ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

ЛЕВИАФАН И ЛИБЕРАФАН

ДЕТЕКТОР ПАТРИОТИЗМА

Коллекция Изборского клуба

Юрий Поляков

Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма

«Книжный мир»

2015

Поляков Ю. М.

Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма / Ю. М. Поляков — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0797-1

Публицистика Юрия Полякова, так же как и его художественная проза, всегда вызывала бурный отклик читателей и явное недовольство властей. Прочтя эту книгу, вы сможете не только приобщиться к острой, неординарной мысли писателя, оценить его афористично-иронический стиль, но и убедиться в том, насколько в своих прогнозах и предвидениях автор опережает текущий момент. Кстати, используя в наших политических спорах некоторые словечки и выражения, мы даже не подозреваем, что попали они в современный русский язык из статей Юрия Полякова. Новая книга «Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма» – пятый публицистический сборник автора. Ей предшествовали издания «От империи лжи – к республике вранья» (1997), «Порнократия» (2000), «Россия в откате» (2008), «Лезгинка на лобном месте» (2013). В новую книгу вошли свежие публикации, но уникальна она еще и тем, что писатель являет читателям все виды своего отточенного гражданского оружия: здесь и острейшие статьи, и литературная полемика, и разящие высказывания в Фейсбуке, и сатирическая поэзия, и интервью, ставшие событиями общественной жизни. В каждом слове – тревога за будущее Отечества, жесткая отповедь «либерафанам», борьба с государственной недостаточностью и устремление к созидательному реваншу.

ISBN 978-5-8041-0797-1

© Поляков Ю. М., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Часть первая 6
Детектор патриотизма 7
Как я стал консерватором? 10
Прикол века 12
Левиафан и Либерафан 14
Немного Путина в дистиллированной воде 17
Не люблю иллюзий! 19
Косяк на Камергерском 27
Первый, оздоровительный… 28
Назначить памятником! 30
Оскародоносец 32
Подвижница 34
«На Украине началась гражданская война, которая зрела годами» 36
Мыши и теплоходы 39
Где проспект Ивана Калиты? 41
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Юрий Поляков
Левиафан и Либерафан. Детектор патриотизма

Часть первая
«Детектор патриотизма»

Меня часто спрашивают: зачем поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со Временем, скажем, при помощи могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи растащили общенародную собственность? А ведь есть еще эпиграммы, памфлеты, антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной действительностью. Но литераторы, в том числе и автор этих строк, продолжают писать статьи. Зачем? А затем, что процесс художественного творчества долог, сложен, противоречив и непредсказуем. Да и само влияние художественного текста на общество неочевидно и ненадежно, напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство – тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив…

Вот несколько статей, написанных по горячим следам. Своего рода прямой массаж нашего общего обидчивого и доверчивого сердца.

Детектор патриотизма

Позавчера в эфире «Русской службы новостей» я поделился банальной, вроде бы, мыслью: человеку, лишенному «патриотической щепетильности» (выражение Пушкина), в политике и на государственной службе делать нечего. Заниматься делом, от которого зависят судьбы граждан и даже исторические виды Державы, не будучи патриотом, примерно то же самое, что водить автобус с пассажирами, являясь дальтоником. А дальше я высказался метафорически: тех, кто наладился в политики или чиновники, надо бы проверять на детекторе: патриот или нет. Если нет, тогда идите себе в рукомесла, в бизнес, в свободные профессии, в искусства, в науки, лучше, точные…

Что тут началось! Пожалуй, такого возбуждения не наблюдалось, с тех пор, как я высказался о преждевременных половецких плясках вокруг отдаленного юбилея А. И. Солженицына. По поводу детектора патриотизма мне звонили из газет, интернет-редакций, с радио и телевидения, спрашивали ехидно, где будем проверять граждан, рвущихся к рычагам власти, – в ФСБ или ЦКБ? Какие вопросы надо задавать? Куда потом отбраковывать – в США, Израиль или сразу на Колыму? Какой моделью полиграфа станем пользоваться? Сначала я пытался объяснять, что выразился образно, но, кажется, никто уже не ждет от литератора метафор, а только инструкций по применению. Тогда я тоже включился в игру, даже предложил некоторые вопросы для тестирования:

– О каком из трех ваших гражданств вы вспоминаете с большей теплотой?

– Какой из ваших видов на жительство кажется вам завиднее прочих?

– Какие определения вам хочется поставить к слову «Россия» (немытая, убогая, обильная, бессильная, святая, путинская). Ненужное зачеркнуть.

Ну, и так далее.

Любопытная деталь: почти все журналисты решили, что проверять нужно на полиграфе депутатов, хотя как раз о народных избранниках я ничего и не говорил. Ну, понятно: как лишний раз не лягнуть «подкремлевскую» Думу! Что для нашей вольной прессы электоральная воля? Наш демократ, он через танковый прицел парламент видал, хотя выборы – это ведь какой-никакой, а тоже детектор. А вот назначенец – совсем другое дело. Иной раз прочитаешь в газете какую-нибудь кадровую новость, и возникает подозрение, что от безлюдья у нас на госслужбу стали призывать увечных, в основном с ушибами головы.

Заслышав про детектор патриотизма, гормональные либералы, конечно, сразу обвинили меня в мракобесии, к чему я давно привык. Они странные, вообще-то, люди: считают, что вслух говорить о любви к родине неприлично. Зато орать о нелюбви к ней же – прилично и даже признак интеллигентности. Что тут скажешь? У каждого младенца – своя колыбельная…

Но давайте задумаемся, а так ли безумна сама идея в принципе? Конечно, если бы в 91-м в нашей стране пришли к власти нормальные люди, а не стажеры-западники, и проводили бы они политику в интересах народа, наращивая благосостояние и мощь Отечества, то меня можно было бы заподозрить в мнительности, даже в ведьмоискательстве. Но, увы, правил-то нами, если не забыли, «личный друг Билла», сдававший государственные интересы, как пустые бутылки, по гривеннику штука. А ежели мы набросаем список людей, руливших тогда нашей политикой, экономикой, информацией, культурой, то обнаружим: многие из них, завершив вольно или невольно карьеру, отбыли на постоянное или преимущественное жительство за рубеж: в Америку, Германию, Испанию, Чехию, Францию, Израиль, Англию, даже в Восточную Азию… Взойдя на борт лондонского авиарейса, испытываешь иной раз такое чувство, будто угодил на заседание клуба ветеранов ваучерной приватизации и межрегиональной группы.

Плохо это? Вроде бы, и нет. Мы живем в свободной стране, и каждый решает сам, где, под какими пальмами, коротать обеспеченную старость в окружении юных жен и благодарных внуков. Но с другой стороны, мне как-то с трудом верится в то, что человек, мечтающий остаток дней провести вдали от непредсказуемой своей родины, будет по-настоящему работать на нее и соотечественников в «вахтовый», так сказать, период жизни. Муж, решивший бросить семью, не начинает ремонт и не вбивает гвоздик для картины «Свадьба в колхозе-миллионере». Так уж устроена жизнь: за собственную обеспеченную старость слишком часто расплачиваются чужой обездоленностью.

Как разрешить это противоречие? Можно – никак не разрешать. Мол, время разберется и все поставит на места. Ой, ли! В Москве до сих пор нет улицы зачинателя нашей Державы Ивана Калиты, а проспект термоядерного гуманиста Андрея Сахарова есть. Оставив все, как есть, мы обречены вновь и вновь получать бесконечных сахалинских хорошаевых со складированными брегетами, подмосковных кузнецовых с контейнерами украденных денег, всемирных березовских с их шахер-махерами в конфликтных регионах. Беспокойный покойник, если запамятовали, был вторым человеком в Совете безопасности РФ. Покажите мне британского олигарха, удавившегося на шарфике в своем поместье в Горках-10? Не покажете!

Нет, друзья, нам никак не обойтись без «национализации элиты». Другого пути не существует. Кстати, именно этот вопрос перед войной и решал Сталин с помощью революционной законности. Никто не спорит, законы были до ужаса суровые, почти беззаконные. А вот почему нынешние законы, применяемые к насвинячившим випам, до смешного, до нелепости мягкие, а? В день, когда амнистировали Сердюкова, у многих российских казнокрутов были именины сердца. Кстати, генерала Власова тоже можно было просто оштрафовать. Платил бы до сих пор…

Но вернемся к детектору патриотизма. Обретя Крым, мы столкнулись не только с внешними санкциями, с рыком западного Левиафана и гавканьем болонок, ранее бегавших в советских ошейниках. Мы столкнулись с более серьезным вызовом, консолидацией внутренних интернационал-прагматиков и бизнес-гедонистов, которым понятна только личная выгода. Ради земли обитания, исправления геополитических косяков, ради судьбы отторгнутых соотечественников они не пожертвуют даже граммом пармской ветчины, не говоря уже о хорошей серфинговой волне. Тот, кто в 93-м сочился счастьем, когда танки лупили по парламенту, теперь из-за порушенного Будапештского меморандума, страдает как девушка, лишившаяся сразу всех своих невинностей. И такие страдальцы встречаются не только на «гражданской платформе» или на концертах Макаревича, но и повыше. Мне так кажется. И вот вопрос: не отвлекает ли это страдание государственных мужей от работы, не уводит ли разум возмущенный от интересов Отечества и компатриотов? Ведь, воля ваша, когда недавно, не щадя валютных запасов, укрепляли рубль, явно перепутали «виагру» со слабительным…

А теперь позволю себе цитату:

«Да, время лозунга „Баллистическую ракету – в землю!“ закончилось. Наступает время лозунга „Демократическое Отечество в опасности!“… Укрепившейся новой власти теперь до зарезу понадобится возрождение патриотического чувства, которое и делает, собственно, население народом и заставляет людей терпеть то, что без любви никто терпеть не станет… Кто будет разрабатывать и внедрять новую концепцию патриотизма – те же люди, что изничтожили старую, или посовестятся и призовут новых людей, не запятнанных? Не знаю, хотя, увы, догадываюсь. Одно я знаю твердо. Мы с вами, соотечественники, живем в канун патриотического бума…»

Это цитата из моей давней статьи «Россия накануне патриотического бума», опубликованной в «Комсомольской правде» в декабре 1993 года. Как видите, я замшелый патриот

с допутинским стажем и писал о неизбежности возвращения державного сознания в общество задолго до отмашки. Тогда мне тоже звонили из СМИ и спрашивали, в уме ли я, ведь слово «патриот» употребляется теперь только в ироническом смысле и скоро совсем исчезнет из словаря. Но прошло время, кремлевские орлы, скрипнув, как флюгеры под ветром Истории, повернулись, и была даже принята недешевая программа патриотического воспитания. Первыми уловили отмашку псевдонимные наши литераторы. Правда, ударившись из либерального ерничанья в патриотическую риторику, они стали похожи на зубных врачей, сменивших бормашины на отбойные молотки. Да и у режиссеров, которые с чернухи спешно переориентировались на духоподъемное кино, странные ленты выходят. Что-то вроде панорамы Ледового побоища, где почему-то больше сочувствуешь псам-рыцарям, а не русским. Недавно посмотрел наш фильм про Смерш. Ну, и дела! Прокрутили бы такую «фильму» перед войной – и вся советская молодежь в Абвер сразу бы записалась. Интересно, сколько заморских вилл построено за деньги, списанные на возрождение патриотизма? Посчитать бы…

Что же касается проверки элиты на патриотизм, то решать, конечно, не мне. Но очень бы не хотелось в будущем, прилетев из уютного Московского княжества куда-нибудь за рубеж (если пустят и на билет хватит), встретить там, на заслуженном отдыхе тех, от кого некогда зависела судьба огромной, но не уцелевшей России. (А как по цветным схемам разваливают страны, знаем, проходили и сейчас наблюдаем на Украине. Слава Богу и предкам, мы государство с историческим стержнем, с могучей традицией, у нас главное зависит от венценосца, а не от бояр и думских дьяков с вкладами в швейцарских банках.

Но свита не только играет короля, она его, увы, еще и проигрывает…

2015

Как я стал консерватором?

Вопрос, конечно, почти мемуарный: чтобы ответить, придется вспоминать. Например, о том, что во времена моего ученья слово «консерватизм» воспринималось почти как мракобесие. Нас убеждали: это нечто затхлое, безнадежно тормозящее неизбежное движение вперед. Советское воспитание, как, впрочем, и передовое дореволюционное просвещение, было позитивистским, внушавшим безусловную веру в прогресс, в то, что сегодняшний день обязательно лучше вчерашнего, а завтрашний будет лучше, чем сегодняшний. Для воспитания активного преобразователя жизни установка неплохая, а вот как быть с сохранением достигнутого предшественниками? И кто будет решать, что отжило, а что можно взять с собой в будущее? Но в ту пору о подобных «заморочках» я как-то не задумывался.

Позитивистская иллюзия стала рассеиваться у меня в конце 80-х, благодаря «перестройке» и «ускорению». Я вдруг обнаружил: то новое, что навязывается взамен «обветшавшим, застойным формам», совсем не лучше, а часто хуже прежнего жизнеустройства. Будучи редактором газеты «Московский литератор», я близко наблюдал Ельцина и его команду, вломившихся в московскую власть. К своему удивлению, я обнаружил, что как руководители они оказались гораздо слабее своих предшественников. Примерно то же самое стало происходить и в нашей писательской среде. Прежде говорили, что у нас засилье так называемых «литературных генералов», «брежневских любимчиков». Но пришли новые люди и оказались как писатели гораздо бледнее, а как организаторы – просто ничтожны. Именно с них началась деградация литературного процесса, закончившаяся ныне крахом. Под мантры о ветрах обновления начался самый настоящий регресс.

Люди горбачевского призыва начали все ломать и менять не потому, что у них был план преобразования страны, а потому, что они, как и я, были воспитаны в ложном убеждении, что новое лучше старого лишь потому, что оно новое. Эффектность была важнее эффективности. Я не идеализирую советских руководителей, они с опаской воспринимали новизну, но это было осложнение от прививки революционного погрома под лозунгом «до основанья, а затем…». Те, кто жаждал «до основанья», были уничтожены, а уцелевшим досталось «а затем». Я тоже формировался в эпоху «а затем».

Консерватором я стал, осознав, что новизна бывает обогащающей и обедняющей. Новизна нужна только тогда, когда она что-то добавляет к сделанному в прошлом, в противном случае она разрушительна, ведь сделать хуже, чем было, тоже новизна. Но кому она такая нужна? Взять тот же комсомол. Были у него недостатки? Множество, об этом моя повесть «ЧП районного масштаба». А сейчас у нас вообще нет настоящей молодежной организации, да в сущности, и молодежной политики нет. Ново? Ново. Лучше стало? Хуже… Зачем отказались от того, что работало и давало результат?

Мои консервативные убеждения стали формироваться во время «перестройки». Потом пришли 90-е, и я понял, худшие мои предчувствия сбылись. К тому времени я был уже в жесткой оппозиции к тому, что делали в стране либералы. Они вообще странные ребята. Я задавал своим либеральным коллегам вопрос: «Октябрьская революция – зло или благо?» – «Безусловное зло!» – отвечают. «А почему же тогда вы ни слова не говорите о тех русских консервативных мыслителях, которые пытались противостоять надвигающейся катастрофе?» «Например?» «Катков, Суворин, Меньшиков…» «Ну, ты сказал! Они же мракобесы…» Странно? Нет, нормальная позиция для тех, кто является историческим наследником разрушителей Российской империи.

Сейчас мы в сложной ситуации. Либералы-западники чрезвычайно влиятельны в нашей элите, хотя большинство из них ныне рядятся в патриотические кафтаны, ибо большинство настроено консервативно-почвеннически. Надеясь на задрапированных либералов,

власть в решающий момент рискует опереться на пропасть. Когда я пишу эти строки, по телевизору показывают 6-й экономический гайдаровский форум. Почему бы тогда не провести геростратовский градостроительный съезд? То же самое… Зачем эти игры с увековечиванием накосячивших завлабов? Для Запада! Думаете, оценит? Ну-ну…

Президент на новогоднем приеме высказал важную мысль, не попавшую почему-то в СМИ. По его мнению, сегодня наша страна подобна рыбе, насаженной на кукан. Когда мы все делаем, по мнению Запада, правильно, нам позволяют как бы свободно плавать в воде – на леске. Но как только мы проявляем самостоятельность и вольнодумие, кукан вынимают из воды и диктуют, как надо себя вести в однополярном мире. Президент сказал: наша задача – с этого кукана соскочить. Очень трудно, но необходимо. Либералы-западники нас на этот кукан насадили, освободиться можно, только опираясь на национально-консервативную традицию.

А по телевизору показывают гайдаровский форум… Странные времена!

2014

Прикол века

Казимир Малевич с оружием в руках сражался на баррикадах русской революции, даже немного покомиссарил, и его «Черный квадрат» чем-то подобен залпу «Авроры», открывшему новую эру в истории человечества. Правда, поговаривают, залпа не было, но эра-то была! Называлась она «диктатурой пролетариата», потом – социализмом. То же и с «ЧК». Теперь уже почти неважно, имеем мы дело с тупиковым живописным любомудрием, или же для прикола на выставке в «красном углу» вывесили по-черному загрунтованный холст. Возможно и то, и другое в одном флаконе: в те годы профетические дурачества были в моде.

Тем не менее чествуемое ныне произведение стало символом новой эры в искусстве – с ее суровой диктатурой новизны, когда сделать иначе – важнее, чем сделать лучше, когда талант выражается не через мастерство, а через скандал и попрание признанной нормы. Разумеется, и прежде в искусстве без плодотворного скандала не обходилось, но после «ЧК» скандал стал обходиться без искусства. Главное, как твердил один из мелких «квадралевичей» Пригов, – любой ценой попасть в музей, в каталог, а там обоснуют.

На то есть искусствоведы: раньше они шумно бранились, что сталевар в центре триптиха недостаточно мускулист, а это выдает в живописце небрежение рабочим классом. Теперь стаями летают по черному космосу Малевича – с конференции на конференцию за счет принимающей стороны. Конечно, с тем, что «ЧК» – мировой бренд, не поспоришь: диссертациями и монографиями можно Керченский пролив замостить. Но планетарное признание, увы, мало о чем говорит. Вон черный президент США – лауреат Нобелевской премии мира. И что? Ничего. Где американцы – там и стреляют.

Еще современники обратили внимание на одну занятную параллель: в домах правоверных иудеев на стене рисовали темный квадрат или оставляли незакрашенный прямоугольник, чтобы, глядя на него, еврейская душа не забывала плакать о разрушенном Иерусалимском храме. О чем же нам надо помнить при виде шедевра Малевича? Наверное, о том, к чему ведет агрессивная, обедняющая новизна, а ведет она к разрушению плодотворной традиции, обесчеловечиванию искусства, которое становится вроде шахидки, спрятавшей бомбу там, где обычные женщины вынашивают плод.

А еще «ЧК» чем-то напоминает QR-коды, которые, в свою очередь, похожи на кроссворды и налеплены теперь повсюду: сканировал и получил доступ к обширной информации по интересующему вопросу. Да, сложилось так, что «Черный квадрат» стал как бы кодом доступа к неразрешимым спорам о смысле творчества и тайне мироздания, а главное – ко всей предыдущей богатейшей истории искусств, ведь когда поставлена точка, даже по оплошности, хочется перечитать написанное. Знаковая картина Малевича – вроде темного экрана телевизора, который можно включить и увидеть все-все: от фаюмского портрета до «Девочки с персиками». А если нельзя включить, если «Черный квадрат» – это просто черный квадрат, то и говорить не о чем.

Но в юбилей хочется оптимизма. И в целом следует гордиться нашим соотечественником Казимиром Севериновичем Малевичем, ведь он развел все прогрессивное человечество не слабее, чем Ленин отомстил за брата!

P.S.

Когда я слышу, как искусствоведы возводят «Черный квадрат» к черной материи Вселенной или восхищаются его эсхатологической амбивалентностью, мне вспоминается почему-то сказка о новом платье короля. Хитрая челядь, видя перед собой мохнатые чресла повелителя, нахваливала фасон, бархат, кружева и золотое шитье. Профессия обязывает. Но для меня живопись – это изображающее искусство, а не рассуждения про окончательное

решение фигуративного вопроса. И если художник пошел пятнами, это еще не значит, что он пуантилист.

Простой, как говорится, народ не обманешь. В моей давней пьесе «Халам бунду» один персонаж, новый русский, кичится тем, что в его офисе висит «Малый черный квадрат» Малевича, а потом вынужден сознаться: «Это подделка, правда, очень хорошая!» В ответ другой персонаж, старый советский профессор, замечает: «Малевича плохо подделать невозможно». Говорит он это под неизменный хохот зала, где бы ни шла пьеса. Понимаю: после всего сказанного я прослыву как минимум невеждой. Но лучше ходить в невеждах, чем остаться в дураках.

Впрочем, «Черный квадрат» иногда необходим: сквозь него хорошо смотреть на актуальное искусство. Всем советую!

2015

Левиафан и Либерафан

Становлюсь «историческим» человеком. Не успели утихнуть страсти по «детектору патриотизма», о необходимости которого я образно обмолвился в эфире, как грянула история с худсоветами. И на меня вновь ощерился отечественный Либерафан – извечный враг Левиафана. Либерафан, кстати, вовсе не золотая рыбка, исполняющая общечеловеческие желания, а тоже чудище «обло, озорно, стозевно»: за нашу и вашу свободу в клочья порвет.

Дело было так. Общественная палата затеяла круглый стол «Театр и общество», навеянный, конечно, скандалом с «Тангейзером». Выступая там, я, помимо прочего, вспомнив о пользе советских худсоветов, предложил создать при Министерстве культуры «конфликтный худсовет» – КХС. Что-то вроде МЧС, но только в сфере искусства. У вас беда? Тогда мы летим к вам. Или идем, если беда, скажем, в московском драматическом театре им. Станиславского, измученном электричеством. Всероссийской свары в Новосибирске можно было избежать, если бы вовремя вмешалась группа товарищей, «неглупых и чутких», представляющих разные «тренды» отечественной культуры, но озабоченных ее процветанием. Однако помощь пришла поздно, да еще в виде православных протестантов, и Москва стала прирастать Сибирью. Вот уже и свиная голова опасно улыбается на пороге МХТ им. Чехова, предостерегая Олега Табакова, что из доставшейся ему половины Художественного театра не следует устраивать кунсткамеру с заспиртованными богомолами.

И вот, едва я заговорил о худсоветах, поднялся шум. Реакция была такая, словно я предложил прилепить на грудь нашему двуглавому орлу серп и молот. Не меньше! Гнев изрыгали и театральные брехтазавры, хранящие на заслуженной чешуе рваные раны от проклятого совка. Сердилась и СМИ-шная молодь, для которой Перестройка – седая древность. Почему такая реакция? Какой плавник коллективного Либерафана я ненароком задел? Давайте разбираться. И начнем с «Тангейзера». Всем хочется придумать что-то новое. Кулибин, например, изобретал. Кулябин изгаляется. Сам признался в интервью: взыскуя славы и просчитывая будущий эпатаж, он колебался между Холокостом и Христианством. Выбрав второе, режиссер не ошибся, в противном случае, не доводя дело до премьеры, его просто тихо смахнули бы в творческое небытие как таракана, забежавшего на праздничный стол. Режиссера лишить профессии гораздо легче, чем, например, писателя или живописца. Он без театра, как генерал без рядовых. Постановщику для самовыражения нужно слишком много, прежде всего – деньги. А деньги в России дает государство и режиссерам, и олигархам.

Иные спрашивают: а в чем, собственно, преступление молодого постановщика, за которое наказали директора театра? В богоборчестве? Но сложные, противоречивые отношения искусства и религии теряются в веках. Кстати, Вагнер, будучи христианином, уносился гением в пучины германского племенного язычества, предвосхищая наступательную мистику Третьего рейха, за что его музыку в некоторых странах даже не исполняют, а 200-летие композитора отметили, в том числе и в России, словно извиняясь. Наша газета – редкое исключение. Но если мы однозначно встанем на сторону клира, то куда денем лицейский «афеизм» Пушкина, антипоповские выходки молодого Есенина, лефовское безбожие Маяковского? Впрочем, одно дело – искреннее, мятежное, заложенное, видимо, в генезис таланта богоборчество, которое художник сам преодолевает, если доживет. И совсем другое дело, когда богохульство – расчетливый продюсерский ход. Если хотите, кощунство и святотатство – это шпанская мушка и виагра современного искусства. По-другому не получается…

Если кто-то думает, что найти «смелый ракурс» для рекламной заманухи безумно трудно, то он сильно ошибается. Вот вам навскидку «версия», в отличие от Кулябинской вытекающая из замысла Вагнера, а он был не только композитором, но поэтом, лично сочи-

няя либретто, выверяя каждое слово. Помните, Тангейзер за свои венерические грехи так и не вымолил пощады у Папы Римского, видимо, индульгенции на тот момент кончились. Понтифик, явно в насмешку, сказал, что прощение грешный рыцарь получит, когда расцветет и прорастет папский посох. То есть, никогда. Как известно, посох, жезл – это традиционные замещающие фаллические символы. Справьтесь у Фрейда или ближайшего сексолога. Теперь вообразите, в финале оперы на сцену выходит сам Папа Римский с расцветшим замещающим символом. Ну, и как вам? Учитывая нынешнее недружелюбие Польши, понтифику можно придать внешнее сходство с Иоанном-Павлом (Войтылой). Думаю, скандал из Новосибирска через Москву перекинется в Брюссель. А дальше переговоры в Минске под эгидой Лукашенко. Баш на баш: вы снимаете санкции, а мы – «Тангейзера». Вот это скандал!

Стремление оскорбить чувства верующих не новость. Возможно, и моя «версия» покажется кому-то непростительной дерзостью. Кстати, в дневнике Е.С. Булгаковой есть характерная запись. Михаил Афанасьевич вернулся из редакции, кажется, «Безбожника» мрачным и сказал с возмущением: «Тому, что они там вытворяют, прощения нет!» Сын киевского священника сам вынашивал «роман про Понтия Пилата». (Это тогда-то!) И его возмущало не вторжение писателей в мир веры, но прагматическое кощунство атеистов на зарплате. Либерафан в ту пору разгулялся: рушили храмы, казнили священников, в основном православных, хотя досталось всем конфессиям, даже тем, что активно помогали революции. Кстати, тема у нас почти табуированная…

Однако проходит совсем немного времени, и Таиров губит себя, поставив злополучных «Богатырей» на либретто вредного мужика Демьяна Бедного. Спрашивается, а что такого натворил «Камерный театр»? Ну, подумаешь, князь Владимир напился с дружиной и в пьяном угаре крестил Русь. Делов-то! Пустяки в сравнении с мощами, вытряхнутыми из рак. Абсолютно в русле антирелигиозной пропаганды. Но к тому времени Левиафан вновь пересилил Либерафана, предчувствуя, что скоро война, и плавать придется в море крови, а без исторической памяти и веры это затруднительно.

Кстати, язвительный Булгаков символически сквитался-таки со своими театральными антиподами, походя заметив, что Мейерхольд погиб во время репетиции под обрушившейся трапецией с голыми боярами. Каково! Автор «Багрового острова» был против эксперимента? Ничуть. Тут что-то другое. Мастер понимал: традиция – это историческое сложение усилий многих талантов, от нее нужно отталкиваться, а не попирать в спесивой гегемонии. Кстати, он оказался провидцем. Трапеции рухнули и погребли многих.

В чем же суть нынешнего конфликта? Почему общество лихорадит то от гельмановских пакостей, вроде выставки «Осторожно, религия!», то от кривляний «Пуси райот» у алтаря, то от занудных непотребств Богомолова? А теперь вот и Тим Кулябин поместил Спасителя в венерический лупанарий. «Художник на все право имеет! Потомки разберутся!» – воскликнет редактор журнала «Театр» Марина Давыдова, которую от комиссарши гражданской войны отличает разве что отсутствие маузера на ремне. Да, имеет. Причем такое же, как и граждане, протестующие, что их налоги идут на оскорбительные выдумки и экспериментальный вздор. Лучше поможем детям Донбасса!

Но не все так просто. Проблема куда глубже. В лаборатории можно все. Как известно, профессор Преображенский, не интересовавшийся судьбой детей Германии, в домашних условиях превратил собаку в человека, но увидав, как Шариков пошел во власть, вернул его в первобытно-четвероногое состояние. Испугался. Кстати, замечательный режиссер-коммунист В. Бортко в классической экранизации «Собачьего сердца» добавил, по-моему, важную деталь: решение «дегуманизировать» уполномоченного по очистке приходит, когда тот появляется на трибуне в киноновостях. Ныне тотальный охват и молниеносная отзывчивость информационного пространства таковы, что любые лабораторные монстры, големы и

косяки, выскочив из булькающей реторты, поражают общественное сознание. Часто необратимо. Достаточно вспомнить «бандеризацию» Украины.

Как примирить право художника на самовыражение с правом людей не страдать, попав в информационно-культурное пространство, засоренное отходами фобий и умопомрачений? Не включать телевизор, не ходить в театр? Тогда давайте и голодать, ведь в колбасе попадаются крысиные хвостики! Лично я не хочу, чтобы мой внук, придя на «Евгения Онегина», скажем, в Театр имени Вахтангова, увидел, как актер, декламируя: «Татьяна, русская душою», указывает пальцем на свой замещающий жезл. Видимо, господин Туминас полагает, что русская душа расположена не там, где литовская.

И вот еще проблема, которую я пытался поднимать, когда вел передачу «Контекст» на «Культуре», вызывая глухое недовольство приглашенных экспертов и бессильное сочувствие руководства канала. Чтобы понять степень новизны, зритель должен иметь хотя бы представление о норме, об «исходнике», с которого начинается чреда интерпретаций. Ведь согласитесь, по сравнению с Гамлетом-копрофагом Гамлет-гей – это вроде как и норма. Когда-то я был учителем-словесником, не могу даже сообразить, куда бы сегодня можно повести учеников, чтобы они увидели на сцене «исходник». ТЮЗы давно превратились в зоны рискованного, если не болезненного самовыражения худруков. Но внутренняя ориентация на норму необходима. Неслучайно психиатры частенько повреждаются в уме. Почему? Да потому, что больше общаются с ненормальными, чем со здоровыми. В такую же ситуацию зачастую поставлен нынешний зритель и читатель. Берешь в руки «большую книгу», и, кажется, читаешь историю болезни, позаимствованную из психдиспансера.

Ну ладно, в Москве еще есть места. Но наш Либерафан активно мечет икру во все пределы Отечества. Что прикажете делать, если в единственный облдрамтеатр присылают пестуна Золотой маски (так случилось в Пскове), и тот выгоняет на сцену полуголых пионерок читать дурными голосами «Графа Нулина»? Что остается пока еще нормальным губернским гражданам, желающим вырастить нормальных детей? Взять штурмом театр и повесить потерявшего меру новатора на колосниках, как на рее? Успокойтесь, пошутил…

Вот для подобных конфликтных ситуаций я и предложил создать КХС, чтобы в спор вступала третья сторона, безусловные авторитеты, к мнению которых прислушаются. Другого выхода нет. Театральная критика давно превратилась в приживалку при Золотой маске. А Минкульт традиционно воспринимается творческой интеллигенцией как щупальце Левиафана. Кстати, худсовет быстрого реагирования не обязательно должен в конфликте вставать лишь на сторону возмущенных традиционалистов, которые тоже ошибаются. В случае, если дерзость художественно оправданна и не является кощунством, КХС защитит экспериментатора, сказав «фу!» Левиафану.

Впрочем, конфликт между Левиафаном и Либерафаном вечен, в нем заложено неразрешимое противоречие между теми, кто хочет неведомо-нового, и теми, кому достаточно обжитого старого. Все, что мы имеем, результат компромисса. Если Левиафан и Либерафан не договариваются, они гибнут. При этом каждый думает, что победил.

2015

Немного Путина в дистиллированной воде

Садясь смотреть разрекламированный до оскомины телефильм Саиды Медведевой «Президент» (к 15-летию пребывания в Кремле Владимира Путина), я чувствовал себя фанатом, попавшим на долгожданный матч с любимым форвардом. Выключал же «ящик» я с таким чувством, будто вместо первачей на поле вышел третий состав, и били они мимо ворот.

Нельзя сказать, что эта долгая лента вызвала полное разочарование. Мяч-то катали. Интересен и эмоционален был президент, но ничего такого, чего мы раньше от него не слышали, он не сказал. И это понятно: если президент говорит нечто совершенно новое – это поворот в государственной политике. Как с Крымом…

Запомнилась драматическая хроника пребывания начинающего президента в Дагестане, когда он, сказав тост, поставил стакан: «Мы обязательно с вами выпьем, но после». Сильный жест! Стране и армии был подан знак, что эпоха похмельной безответственности закончилась навсегда. А Путин в Северодвинске перед детьми и вдовами погибших моряков! Такого сострадания на лице человека, облеченного высшей, еще не привычной властью, мы не видели прежде никогда! Еще свежа была в памяти одутловатая физиономия предшественника, измученного излишествами, приведшими к государственной недостаточности. На телеэкране перед нами прошли 15 лет, вместившие многое: и борьбу с олигархами, и войну в Чечне, и экономические кризисы, и боевые действия в Южной Осетии, и Олимпийские игры в Сочи, и воссоединение с Крымом, и санкции, и натиск объединенного Запада… Когда всё это в концентрированном виде идёт с экрана, сравнение президента с рабом на галерах не кажется шуточным. Безусловно, интересны были и ответы нынешнего, умудренного, даже угнетенного властью Путина на жёсткие, умные вопросы Владимира Соловьёва…

Но Путина в фильме оказалось до обидного мало. Зато много других достойных людей, которые говорят в кадре больше президента, не сказав практически ничего. Что прибавили к нашему знанию Алексей Миллер, Герман Греф, Олег Дерипаска и Владимир Потанин? Ничего. Так рассуждают о погоде, поедая устриц. Конечно, о начальнике говорить нелегко: и перельстить нельзя и недольстить тоже. А телеэкран – тот же детектор лжи: неискренность сразу видна, как некачественный силикон у топ-модели. Когда в кадр вошёл Алексей Кудрин, появилась надежда на конфликт, необходимый всякому фильму, даже верноподданному. Ведь этот человек сознательно покинул ряды соратников президента. И что? Ничего нового. Кудрин только хмуростью финансового пессимиста отличался от остальных, добавив свою ложку незамутненной жидкости в бочку дистиллированной воды. К бывшему руководителю ФСБ Николаю Патрушеву вообще никаких вопросов нет. Люди его профессии появляются в кадре для того, чтобы хранить государственные секреты. А вот пресс-секретарь президента Дмитрий Песков мог бы и пооткровенничать слегка, гуманитарий все-таки, ну, хотя бы про крепкое рукопожатие, как его предшественник, рассказать. Но нет, и его слова были полны конспиративной тоски.

Еще одно разочарование – редактор журнала «Пионер» Андрей Колесников. Когда репортер, известный своей ядовитой иронией, на глазах превращается в комплиментарного мемуариста, испытываешь сострадание, заодно прикидывая в уме цену преображения. Новая надежда забрезжила, когда на экране возникла брутальная бритоголовость видного писателя Захара Прилепина. Тут ситуация обратная кудринской: бывший «лимоно-болотник» встал под президентский штандарт. Однако, как и положено литератору, говорил он больше о себе, демонстрируя полную автономию сознания и речевого потока. Почему его классовая неприязнь к Кремлю сменилась бурной лояльностью, спонтанно или согласно проекту, мы так и не узнали…

А вот Нурсултан Назарбаев рассказывал о собрате по властной доле живо и душевно. Видимо, президенту о президенте говорить проще, иерархический пиетет не душит. К тому же, с галеры, плывущей рядом, чужие весла и цепи виднее…

2015

Не люблю иллюзий!

Сначала цитата («Новая газета», № 51 от 20 мая 2015 г.):

Главред «Литгазеты» обвинил Шаламова в гитлеровской агитации

Речь идет о грубых инсинуациях, которые со странным упорством распространяет главный редактор «Литературной газеты», он же – «просвещенный консерватор», неутомимый искатель «врагов Отечества» Юрий Поляков.

Тех, кто смотрел 10 мая программу ТВЦ «Право знать!» о проблемах патриотизма с его участием, не могла не шокировать тирада Полякова:

«…Фигуры умолчания – это в основном оружие тех самых либералов, которые нас начинают упрекать в том, что мы не говорим всю правду. И вот у меня был спор: а что же вы не говорите о Варламе Шаламове, которому во время войны добавили третий срок. А за что добавили? За то, что Шаламов в заключении агитировал за победу Гитлера. Он считал, что победить Сталина можно тогда, когда Гитлер оккупирует Советский Союз… Так правду-то они (либералы) не договаривают».

Это не обмолвка писателя-патриота. Это, как выясняется, его давно обкатанная домашняя заготовка и даже своего рода конек. Примерно то же самое он говорил двумя неделями раньше, 27 апреля, в интервью «Вечерней Москве»:

«…Не обижайтесь, но Варламу Шаламову добавили срок за то, что он в заключении агитировал за победу Гитлера. К сожалению. Это опубликовано и, увы, документально подтверждено: он уверял, что Сталина можно одолеть только с помощью немцев. Кстати, автора «Колымских рассказов» арестовали как члена подпольной троцкистской организации. Это не умаляет его большой талант, но объясняет жестокую его судьбу».

И предыстория всего этого нашлась в Сети: еще в 2013 году, выступая на заседании известного Изборского клуба, Ю. Поляков твердил про то, что «Шаламов был арестован за то, что был троцкистом, а во время заключения агитировал за Гитлера».

Досье на тему «Поляков против Шаламова», таким образом, сформировано, и можно понять, что изобретатель «детектора патриотизма» давно присмотрел себе жертву и без устали эксплуатирует ее в своих целях…

Когда натыкаешься на абсурд – ни ахи, ни другие междометия не помогают. И даже апелляции к медицине кажутся слабоватыми аргументами: психическое здоровье редактора «Литературной газеты», судя по его вальяжному экранному виду, сомнений не вызывает.

Все, думается, проще: Поляков настолько вошел в патриотический раж, что не замечает, что одновременно впал и в воспетый им самим «апофигей». А эта штука (от комсомольско-молодежного «все по фигу» – в

его апофеозе) связана не только с потерей неких нравственных ориентиров, но и чувства реальности.

Но давайте по документам.

Колымское следственное дело Шаламова № 125856 было впервые опубликовано в 2004 году – его нашли в архивах ФСБ, а ныне оно находится в свободном доступе. Как оказалось, рассказ Шаламова «Мой процесс» не на 100, а даже на 200 процентов совпадает с материалами дела – с тем, как упорно и настойчиво «шили», «клеили» ему «восхваление Гитлера» и другое (до «шпионства в пользу Японии», к счастью, не дошло) его соседи по бараку, некто Кривицкий и некто Заславский. Один из них являлся, между прочим, бывшим членом ВКП(б), другой – бывшим членом ВЛКСМ.

Ю. Поляков доверился показаниям лжесвидетелей-доносчиков. Видимо, писатель пробежал в свое время бегло следственное дело Шаламова. Но считать показания стукачей – правдой, а юридистику сталинской эпохи – вершиной правосудия, способны только люди с особыми наклонностями, свято верящие в мудрые усы Иосифа Виссарионовича. По крайней мере, очевидно, что Поляков не удосужился прочесть дело № 125856 до конца. Ибо в нем есть и определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 июля 1956 года, которое сняло с Шаламова все обвинения и тем самым реабилитировало его.

Так что цена показаний Кривицкого – Заславского, а с ними и Полякова – ни гроша не стоит.

Навет о «восхвалениях Гитлера» смыт с Шаламова еще 50 лет назад. А навет о «троцкизме» позже – лишь в 2000-м, когда он был официально реабилитирован по первому делу 1929 года об участии в антисталинской оппозиции. Сегодня об этом знает каждый читатель, хоть немного интересующийся Шаламовым и заглядывающий в ту же «Википедию».

По какой же графе образования-просвещения числить воинственного редактора «Литературной газеты»? ЦПШ – Центральной партийной или церковно-приходской школы? Такие ассоциации возникали уже не раз, и они вполне в духе наследников Ивана Бездомного, не интересовавшихся ни биномом Ньютона, ни энциклопедией Брокгауза и Ефрона (заменявшей тогда «Википедию»); им ныне, к сожалению, доверена роль предводителей главного литературного органа страны.

Валерий ЕСИПОВ специально для «Новой»

К «Новой газете» у меня никаких вопросов. Гормональный либерализм давно лишил её объективности, разборчивости и профессиональной щепетильности. Но с автором инвективы придётся спорить, хоть и не следовало бы: он из тех, кто сначала придумывает себе идиота-оппонента, а потом с блеском громит врага «в полемике журнальной». Но не хочется хорошего русского писателя отдавать на откуп истерическому литературоведению. Если бы мои, в самом деле весьма субъективные, соображения о трагической судьбе большого художника Варлама Шаламова освистал, скажем, известный футболист Валерий Есипов, я бы ещё понял: у человека просто другая профессия. Но когда вроде бы специалист-историк Валерий Есипов бранится как воинствующий гуманист с незаконченным общечеловеческим образованием, ей-богу, даже неловко отвечать. Однако положение обязывает…

Оставим на совести моего зоила утверждения, что я впал в воспетый мной же «апофигей». (Моя повесть, кстати, называется «Апофегей».) Пропустим мимо ушей поседелую остроту про ЦПШ и ВПШ. Не знаю, как в церковно-приходских школах, не застал, а в Высшей партийной школе учили куда лучше, нежели в нынешней Высшей школе экономики.

Впрочем, сам я окончил Московский областной педагогический институт, где и защитил диссертацию по фронтовой поэзии. Так что к Брокгаузу заглядывать пришлось. И уж, конечно, не станем обижаться на сетования автора «Новой газеты», что невежде Полякову доверена роль «предводителя главного литературного органа страны». Всё это уже было, и не раз.

Именно о печальной участи «ЛГ» шумно горевала Н. Д. Солженицына, когда я упомянул общеизвестный факт, что автор «Ивана Денисовича», обитая в США, всячески настраивал руководство этой державы против СССР – советской версии Российского государства. Кстати, речь велась о санкциях вроде нынешних. И надо мной грянул гром! «Российская газета», страдающая, как курсистка замужем за охотнорядцем, впала в истерику и проработала меня в лучших традициях борьбы с инакомыслием. Сладкоголосая птица комплиментарного литературоведения Сараскина вдруг посуровела и объявила, что моего имени не будет даже в мелких сносках к истории отечественной словесности. Трепетный актёр Миронов, оторвавшись от театрально-хозяйственной суеты, вызвал меня на дуэль, но секундантов не прислал. Закрутился. Странное, ей-богу, возбуждение граждан! Ведь даже в книжке В. Войновича «Портрет на фоне мифа» эти факты биографии великого гулагописца обозначены весьма подробно. Но на Войновича почему-то не обижаются, а на меня разгневались.

Доставалось мне и прежде – например, когда я лет десять назад в эфире напомнил про то, как будущий нобелевский лауреат И. Бродский планировал с приятелем угнать самолёт из Самарканда в Иран, с чем, наверное, и связан столь ранний интерес КГБ к ещё безвестному поэту. О, что тут началось! Как меня только не называли! Но выяснилось потом, что этот эпизод подробно описан в книге Соломона Волкова, – и все как-то сразу успокоились, стали даже хвалить Бродского за вызов тоталитаризму, хотя в толерантной Америке он получил бы за одно угонное намерение приличный срок. Но эти дела давно минувших дней я вспомнил не из тщеславия, а чтобы обратить внимание читателей на странную закономерность: меня клеймят за то, что другим прощают или чего вообще не замечают. М-да, хорошо быть Войновичем, а ещё лучше – Соломоном Волковым!

Повторю, что занятый подготовкой к печати моего нового романа «Любовь в эпоху перемен», я поначалу не хотел отвлекаться на полемику с кипучим шаламоведом. Но мой обвинитель помянул всуе Иванушку Бездомного – героя почитаемого мной Булгакова, поэтому без разоблачения очередного члена акустической комиссии не обойтись.

Итак, гражданин Есипов, «давайте по документам»! Вы будете смеяться, но связи молодого Шаламова с троцкистами общеизвестны. Вот что пишет исследовательница И. Сиротинская: «В ряды „большевиков-ленинцев“ (так называли себя оппозиционеры)… он вступил в 1927 году: его привела и поставила в ряды демонстрантов Сарра Гезенцвей. Демонстрация к 10-летию Октября проходила под лозунгом „Долой Сталина!“» (В. Шаламов. «Новая книга. Воспоминания, записные книжки, переписка, следственные дела», ЭКСМО, 2004, с. 946). Ей вторит автор биографии писателя, вышедшей в популярной серии «Жизнь замечательных людей»: «Не случайно, что молодой Шаламов пришёл на демонстрацию под лозунгами „большевиков-ленинцев“, как не удивительно и то, что он позже участвовал в подпольном печатании „Завещания Ленина“». («Варлам Шаламов». Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2012, с. 86).

Добавлю от себя: с помощью этого завещания (есть версия, что поддельного) оппозиционеры хотели выбить из политической жизни Сталина. Не получилось. Выбивать начали их. Такова жестокая логика борьбы, а юный Шаламов в ней активно участвовал, причём на стороне «левых», жаждавших продолжения «революционного банкета». Вот что заявил 22-летний «оппозиционер-ленинец» на допросе в 1929 году: «Я считаю, что руководство ВКП(б) сползает вправо, тем самым способствует усилению капиталистических элементов в городе и деревне и тем самым служит делу реставрации капитализма в СССР». («Новая книга», с. 949). Думаю, встретив в те годы какого-нибудь Чубайса, «левый» Варлам как

минимум плюнул бы главному приватизатору в лицо за реставрацию капитализма. Молодой был, горячий. И получил «трёшку» лагерей.

За год до ареста юношу выгнали из Московского университета. «Исключение состоялось 13 февраля 1928 года, и хотя основной формулировкой значилось «за сокрытие социального происхождения», очевидно, что за этим стоял весь веер копившегося на него компромата, в том числе политического. Надо полагать, Варлам воспринял исключение без больших переживаний – перспектива служить закону, который обслуживает интересы Сталина, и идти стезёй Вышинского его вряд ли устраивала» (ЖЗЛ, с. 89). Ну конечно, двумя годами раньше, поступая на отделение советского права, он рассчитывал, видимо, обслуживать интересы беспартийной Фемиды и шагать дорогой председателя Верховного трибунала республики товарища Крыленко. Кстати, дети «лишенцев»: дворян, купцов, буржуев, попов – и без «веера» даже мечтать не могли о высшей школе до 30-х годов. Исключения делались редко и в особых случаях. Будущий писатель не оценил странной небдительности советской власти.

Чем ещё не нравился сталинский курс недавнему студенту университета, а теперь заключённому четвёртой роты управления Вишерских лагерей особого назначения Шаламову? Вот строки из его жалобы в Коллегию ОГПУ ЦК ВКП(б): «Решения XVI конференции, чистка партии, чистка аппарата, борьба с правым уклоном… представляют собой несомненно серьёзные шаги руководства влево… в направлении исправления сделанных ошибок… внутренней и внешней политики, приведших к перманентному экономическому кризису страны, затяжке мировой революции и ухудшению международного положения Коминтерна…» Заметьте, в стране голод, разлад, индустриализация даёт сбои, «тянет порохом со всех границ», а юношу беспокоят мировая революция и авторитет Коминтерна. Впрочем, обычное тогда дело: Есенин тоже одно время был «за знамя вольности и светлого труда готов идти хоть до Ла-Манша». А может, шутил. Кстати, в этом шаламовском письме кроме просьбы о возвращении «ленинской оппозиции в партию» есть и несколько ссылок на труды Троцкого, упрёки за его изгнание из страны («Новая книга», с. 953–955).

Неясно, помогла жалоба или посодействовали соратники, оставшиеся на воле, но в 31-м Шаламова освободили досрочно, потом, правда, передумали, объявили в розыск, искали, не нашли, хотя он жил в Москве, сотрудничал в журналах, женился на Гале – дочке крупного деятеля Наркомпроса Гудзя, соратника Крупской, тоже не любившей Сталина. Гудзь подвизался политредактором учебников, а в прошлом являлся видным меньшевиком, вовремя «побольшевевшим», если воспользоваться выражением поэта, сгинувшего в ГУЛАГе. Сын Гудзя – Борис, как замечает автор ЖЗЛ, был человеком с «большой чекистской биографией». Жили дружно в пятикомнатной квартире на Пречистенке. Шаламов «был вынужден написать заявление в НКВД с официальным отречением от троцкизма. Родственники, и прежде всего шурин с ромбами полкового комиссара, считали, что только это спасёт всю семью от серьёзных неприятностей» (ЖЗЛ, с. 120–125). Станет человек, чуждый оппозиции, от неё отрекаться? Я бы не рискнул, а то ведь, наоборот, не так подумают и придут. Впрочем, Шаламов активен, сотрудничает в журналах «За овладение техникой» и «За пром. кадры», сочиняет, ищет себя, судится за невыплаченные гонорары, снова сходится с прежними соратниками по оппозиции. И его находят в 37-м.

Вот строки из следственного дела 1937 года.

«Вопрос. Что заставило вас встать на путь контрреволюционной троцкистской деятельности?

Ответ. Я был хорошо знаком с Сегал и Гезенцвей, любил их как людей и после их исключения из комсомола не порвал с ними отношений. Эта личная связь постепенно привела к тому, что Гезенцвей использовала меня как передатчика контрреволюционных троцкистских „документов“. Само содержание тех документов, с которыми я был знаком, и

пропаганда Гезенцвей привели к тому, что я в то время стал считать, что троцкисты – революционеры, что именно они занимают правильную позицию…» («Новая книга», с. 962).

Донос на соратницу? Нет, скорее чистосердечное признание. Под пыткой? Вряд ли, ведь на большинство вопросов он отвечал отрицательно или уклончиво: не участвовал, не состоял. И начинающему литератору за грехи молодости дают пять лет, отправляют на Колыму. Жизнь сломана. За что? По нынешним понятиям, без вины. Хотелось всего-навсего мировой революции, к которой звал великий Ленин и которой пренебрёг кремлёвский горец Сталин. Правда, неизвестно ещё, что стало бы со страной, победи тогда «перманентники». Но это, как говорится, вопрос исторической веры. С другой стороны, вообразите на минуту, что поповича Шаламова взяли не за троцкизм, а за монархизм или, о ужас, за черносотенство. Шлёпнули бы не задумываясь. Вспомните судьбу расстрелянного за «русское направление» поэта Алексея Ганина, знаменитого в ту пору, в отличие от Варлама! Не забудьте и про дело русских историков! А чем, собственно, с сегодняшней точки зрения монархист хуже троцкиста? По-моему, даже лучше. Но тогда была тогдашняя точка зрения, чего историки «есиповской школы» понять не хотят или не могут.

Теперь, кстати, на старых московских домах можно увидеть таблички в память о тех жильцах, что ушли и не вернулись домой в 1937–1952 годах. Нужный почин? Очень! А как же быть с теми, кто ушёл и не вернулся в 1918–1936? Как быть с теми, в чью квартиру на Пречистенке въехал заслуженный Гудзь с чадами и домочадцами? Эти не в счёт? Почему? Помните, у Булгакова в «Зойкиной квартире» видного партийца, набитого червонцами и зарезанного китайцем, зовут Гусь? Совпадение? Возможно, и нет: Булгаков принимал участие в конкурсе Наркомпроса на лучший школьный учебник истории, написал свою версию, которая канула в Лету, попав, быть может, на рецензию политредактору Гудзю, тестю Шаламова. Дарю эту версию специалистам.

Я искренне жалею тех, кто испытал на себе суровость эпохи перемен, не зря же Павел Нилин назвал свою повесть о тех временах «Жестокость», а Олег Волков свои воспоминания – «Погружение во тьму». О замечательной книге Олега Васильевича сегодня почти не вспоминают, хотя по своим достоинствам она не уступает ни Шаламову, ни Солженицыну, к тому же служит живым источником для молодого поколения гулагописцев. Как «социально чуждый элемент», Волков с 28-го по 53-й год арестовывался пять раз: сажали и выпускали, сажали и выпускали – в ссылку. Но кто же станет нынче кручиниться о судьбе какого-то дворянского отпрыска, никогда не увлекавшегося ни Троцким, ни даже Лениным? Другое дело – дети революции, ею же и пожранные. А ведь прежде чем стать жертвами, мальчики-девочки, вдохновлённые мировым пожаром и классовым чутьём, в 20-е без сомнения ставили к стенке людей лишь за то, что они дворяне, купцы или священники.

Кстати, и судьба отца Тихона Шаламова, который в трудную минуту разрубил и сдал в Торгсин свой золотой крест, могла сложиться куда печальнее. Но священник примкнул к митрополиту-бунтарю А. Введенскому, чьи лозунги «были близки идеям военного коммунизма, лелеяли слух власти, но никак не соответствовали интересам большинства духовенства, которое давно привыкло различать «богово» и «кесарево» (ЖЗЛ, с. 70). Как я понял, те, кому «богово», пошли в обновленцы, а те, кому «кесарево», – на Бутовский полигон. Или не так? Пусть адекватность этого пассажа оценивают православные специалисты, а я лишь отмечу преемственность: отец примкнул к обновленцам, сын – к троцкистам. Конечно, в поисках правды. Нет, я никого не осуждаю, каждый в то запутанное время мучительно искал свой путь. Революция – это пожар, в котором страдают и невинные, и те, кто баловался спичками. А Шаламов по молодости играл с огнём. Отрицать эту часть биографии писателя так же нелепо, как, скажем, факт участия Достоевского в революционном кружке, за что его едва не казнили. Да, потом он стал консерватором, даже был вхож в императорскую семью, но из жизни сделанного не выкинешь.

А как же в таком случае понимать реабилитацию, состоявшуюся в 2000 году, когда «был смыт навет о троцкизме»? Прежде надо условиться о понятиях. «Навет» – это, когда тебя обвиняют в изнасиловании, а ты импотент. Тут же речь совсем о другом – о переоценке той или иной политической деятельности в исторической перспективе. Давайте вникнем вместе с коллегой Есиповым в текст заключения Генеральной прокуратуры, на основании которого была выдана справка о реабилитации: Читаем по слогам: «…Тот факт, что он разделял взгляды оппозиции, не является уголовно наказуемым деянием. При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что Шаламов подвергся репрессии необоснованно, по политическим мотивам…» («Новая книга», с. 959). Конечно, по политическим. По каким же ещё? Он же не бухгалтер и не нэпман. Жестоко? Ещё бы: пять лет ГУЛАГа. А знаменитого журналиста Михаила Кольцова за неосторожный контакт с троцкистами просто расстреляли. Такое время. Впрочем, за политику и в более мягкие времена даже парламент из танков расстреливали. Кстати, заключение Генпрокуратуры как раз и подтверждает, что к оппозиции Шаламов отношение имел. Значит, всё-таки не навет. Просто принадлежность к троцкизму в 2000 году уже не считалась преступлением, как и валютные спекуляции, а ведь ещё при Хрущёве валютчикам «вышку» давали!

Теперь о третьем сроке автора «Колымских рассказов». Упоминание о нём так возмутило В. Есипова, что он впал в антисоветскую ярость и на «доносчиков», и на меня, грешного: «…некто Кривицкий и некто Заславский. Один из них являлся, между прочим, бывшим членом ВКП(б), другой – бывшим членом ВЛКСМ. Ю. Поляков доверился показаниям лжесвидетелей-доносчиков. Видимо, писатель пробежал в своё время бегло следственное дело Шаламова, (…) не удосужился прочесть… до конца. Ибо в нём есть и определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 18 июля 1956 года, которое сняло с Шаламова все обвинения и тем самым реабилитировало его…»

Ну что сказать? Троцкистка Сарра Гезенцвей тоже была членом ВЛКСМ, а Троцкий – аж членом ВКП(б). О чём это говорит? Ни о чём. Думаю, Есипов, как и я, смолоду состоял в комсомоле, а не в союзе молодых адвентистов. Кстати, против Шаламова дал показания и беспартийный бригадир Нестеренко. Некоторых везли для очной ставки за много километров. А известного очеркиста Илью Петровича Заславского я застал в живых, и он на меня не производил впечатления доносчика. Более того, наш писательский мир тесный, бдительный и пересудливый, но я не припомню разговоров о том-де, что Заславский оклеветал Шаламова, хотя бывшие соседи по нарам порой сидели рядом на собраниях и за столиками в кафе ЦДЛ. Мелочь? Как сказать…

Далее, объясните мне, зачем надо было старательно шить дело неведомому литератору и бывшему троцкисту на посылках? Чтобы не выпустить на волю опасного оппозиционера, когда страна изнемогает в борьбе с Гитлером? Допустим, ведь Троцкий писал: «Если война будет лишь войной, поражение Советского Союза будет неизбежным… Если империализм не будет парализован революцией на Западе, он сметёт режим, который был порождён Октябрьской революцией» (Ю. Емельянов «Троцкий. Мифы и личность». Вече, 2003, с. 463). Того, кто мог распространять идеи мёртвого Льва, не спешили отпускать. Увы, многих оппозиционеров даже при отступлении казнили, как «эсеровскую богородицу» Марию Спиридонову. Война. Не щадили ни себя, ни других. Я не питаю иллюзий в отношении неукоснительной законности в ГУЛАГе. Но зачем было проводить множество допросов, этапировать из разных концов воюющей страны свидетелей опасных барачных разговоров? Если речь о явном оговоре, то «свидетеля» можно найти в соседнем бараке. Он бы и подтвердил вместо Заславского: мол, Шаламов пророчил, что «в конце концов нынешняя война с гитлеризмом внесёт коррективы, рухнет руководство советской власти, и тогда наступит период свободы печати и слова». В обвинительном заключении «сталинской юридистики» сказано так: «… высказывал контрреволюционные измышления в отношении политики коммунистической

партии, восхваляя при этом врага народа Троцкого… высказывал пораженческие настроения по отношению Советского Союза в войне с фашистской Германией, восхваляя при этом мощь, технику и командование фашистской армии». («Новая книга», с. 1023–1027).

В результате приговор: 10 лет.

Что и говорить, сурово, но, увы, в духе эпохи. Знаменитый эмигрантский певец Пётр Лещенко сгинул в лагере лишь за то, что выступал перед румынскими и немецкими военными. Известного писателя, казачьего генерала Петра Краснова повесили за связь с фашистами. Мой любимый Георгий Иванов, лишь заподозренный в симпатиях к немцам, доживал во Франции почти изгоем. Если верить Солженицыну, высказывания, мол, придут немцы – поквитаемся, не были исключением. Это и понятно: страшная обида, жажда мести за унижения и страдания. Попрошу теперь набраться мужества поклонников Даниила Хармса, но их кумир попал под следствие, а потом был помещён в ленинградскую психбольницу, где и умер, за пораженческие разговоры в блокаду, если верить, конечно, материалам допросов. Загляните в книгу А. Кобринского в той же серии «ЖЗЛ». Там всё написано. Естественно, доносчики названы клеветниками. А как же иначе-то? Я вообще в жизни встречал один-единственный справедливый донос – «на гетмана-злодея царю Петру от Кочубея». Припоминаете? Да ещё как-то бдительная россиянка, подслушав разговор наших военных, донесла в украинское посольство о готовящейся агрессии. Кажется, «Новая газета» и «Эхо Москвы» за неё горячо заступались…

Да, я не специалист и, возможно, «пробежал в своё время бегло следственное дело», но при всей беглости заметил то, что ускользнуло как-то от профессионального зрения шаламоведа Есипова. Давайте опять же по слогам прочтём определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18 июля 1956 года. «…Высказывания, которые допускал среди заключённых Шаламов и которые расценены судом как антисоветские, по своему содержанию не являются контрреволюционными и под признак ст. 58–10 Ч. II УК РСФСР не подпадают…» («Новая книга», с. 1032). Где здесь о том, что Шаламов не вёл с сокамерниками опасных разговоров? Наоборот, подтверждается: вёл, но теперь, через одиннадцать лет после войны, когда умер Сталин и расстрелян Берия, подобные темы контрреволюционными не считаются. Свидетелей, кстати, как я понимаю, не обеспокоили, поверив жалобе пострадавшего. Правильно реабилитировали Шаламова? Конечно, правильно. Время меняет оценки. Тамбовский Антонов теперь не бандит, а борец против большевистского произвола. Маршал Тухачевский, жестоко подавивший антоновцев, – тоже жертва. И маршал Блюхер, осудивший Тухачевского на смерть, – опять-таки жертва… «Дело врачей» – дело рук Сталина, смерть которого, как теперь подозревают, – дело рук врачей… Просто разум вскипает!

Чтобы моя позиция стала понятней, приведу близкий нам пример. Вообразите разбомблённый Донецк: руины, мёртвые женщины и дети. Вдруг кто-то заявляет, мол, вот победят «укропы» и наведут тут европейский порядок. Как полагаете, могут за такие слова репрессировать? Думаю, да. Однако лет через десять, когда Новороссия вернётся в родную гавань, станет частью большой страны и многое забудется, наверное, реабилитируют. Он же не был террористом, а просто выражал свою политическую позицию. Имеет свободный человек право выразиться? Разумеется.

Таким образом, вопрос с третьей судимостью Шаламова как минимум спорный, и не стоит оппонента, придерживающегося иной точки зрения, объявлять чуть ли не слабоумным. В науке так не принято. А вот в сфере манипуляций общественным сознанием это обычный приём: если враг, значит – дурак.

В заключение замечу, что историки «есиповской школы», оберегая своих священных коров от мельчайших мошек или слепней вроде меня, в отношении чуждых кумиров высказываются без всякой щепетильности. Примеры? Пожалуйста, вот вам из той же книги серии

«ЖЗЛ». Автор пишет, что «не кто иной, как Солженицын – вопреки его собственным высказываниям о стремлении помочь Шаламову – посеял семена предубеждения в отношении редактора «Нового мира» к заштатному рецензенту, а на самом деле большому поэту и писателю» (ЖЗЛ, с. 250). Если продраться сквозь «семена предубеждения», можно догадаться, что Исаич злостно интриговал против Варлама, настраивал Твардовского и отсрочил писательский триумф конкурента аж на четверть века. Возможно ли это? Почему бы и нет. Но где доказательства?

Есть в этой книге, на мой взгляд, и настоящий поклёп. Речь снова о доносе. Группа студентов просит выселить Шаламова из комнаты общежития, так как он пьянствует и мешает заниматься, заявляя: «Плевать я на вас хотел с батиной колокольни!» В феврале 1928 года пять соседей по комнате пишут: «Просим принять меры и избавить нас от шаламовщины». «Не исключено, что вся эта грязь, – приходит к научному выводу автор книги, – была инспирирована сверху. Об этом можно судить по одной из подписей под заявлением – «М. Залилов». Это был студент этнологического факультета, молодой татарский поэт, взявший впоследствии псевдоним Муса Джалиль… Можно предполагать, что юного Мусу, как комсомольца, просто вынудили подписать это заявление. А историческая ценность этой кляузы в том, что она даёт некоторое представление о том, чем в действительности занимался Шаламов» (ЖЗЛ, с. 81–82). Мутно, но с напором. Выходит, фашисты не смогли в Моабитской тюрьме сломить будущего героя Советского Союза и классика татарской литературы Джалиля, а комендант советского общежития «ссучил» запросто.

Не слишком ли много достойных людей поименованы доносчиками, стукачами, кляузниками ради сохранения белых одежд крупного, но весьма сложного в быту и противоречивого в общественно-политической жизни писателя? Кстати, известны случаи, когда за то, что «мешали заниматься», выселяли не только студентов из общаги, но и видных литераторов из домов творчества. А замечательного поэта Анатолия Передреева на год лишили права посещать Дом литераторов за то, что он со словами «Не люблю иллюзий!» мимоходом послал в нокаут всемирно известного фокусника Игоря Кио. Кто доносчик, думаю, понятно.

Не следует, право, пиетет перед объектом исследования доводить до абсурда, до гуманитарных судорог и либеральных стигматов. Не стоит трагическую и героическую эпоху превращать в выгребную яму только потому, что твой герой в той эпохе не ужился, как Ленин в царской России, процветавшей, если верить Михалкову, что твой колхоз в кинофильме «Кубанские казаки». Не надо людей, которые искренне признавали Сталина лидером державы, изображать трусами и приспособленцами. Пастернак, например, со Сталиным уживался, даже славил его стихами, а вот с Хрущёвым у автора «Доктора Живаго» не сложилось. И что делать исследователю творчества Пастернака – объявить «оттепель» «мразью»?

Осталось назвать имя автора книги о Шаламове, выпущенной в почтенной серии «ЖЗЛ». Это Валерий Есипов. Не футболист, как вы догадались, а скорее иллюзионист. Как раз по ведомству акустической комиссии.

Косяк на Камергерском

Побывал на открытии Года литературы в МХТ им. Табакова. Ну, что сказать? Обычный либеральный капустник с глумливым реверансом в сторону Кремля. Актеры за редким исключением читали из рук вон плохо. Иных хотелось убить из рогатки прямо на сцене. Подбор стихов тоже в духе московского кухонного сопротивления тоталитаризму. Если Пушкин, то, конечно, «Не дорого ценю я громкие права…» Если Лермонтов, то, разумеется, «Люблю Отчизну я, но странною любовью…» Какой же еще? Граждане, видимо, и не подозревают, что Пушкин написал «Клеветникам России», а Лермонтов «Бородино». Стихи, кстати, в нынешней исторической ситуации весьма актуальные. Правда, сам Табаков прочитал про «дороги Смоленщины» Симонова. Видимо, будет снова просить у власти на бедность.

И, конечно, никакого тебе Некрасова, Маяковского, Есенина, Твардовского, Рубцова, Соколова… Даже одноногого Евтушенко забыли, как Фирса. К советской же литературе отношение у организаторов капустника как к куче дерьма с редкими сапфировыми инкрустациями. Кирсанов, например. Странно, что Веру Инбер забыли! Среди озвученных нынешних поэтов между моим однокурсником Кибировым (Запоевым) и неведомым Сваровским (почему не Фаберже?) оказался, конечно, и Пригов. Из его дурашливой графомании сестра миллиардера Прохорова мастачит мирового классика, ставя уникальный эксперимент по канонизации чепухи. «Вот!» – как гениально выразилась Вера Павлова.

При этом открытие Года литературы в многонациональной нашей стране обошлось как-то без всякого упоминания о национальных литературах: не было ни Тукая, ни Кулиева, ни Гамзатова… Вероятно, нижегородский библиофил Сеславинский, рулящий Роспечатью дольше, чем Брежнев – СССР, искренне считает, что в России живут и сочиняют только два коренных народа – русские и евреи – с явным преобладанием последних. А все татары, например, пали в битве при Калке. Ну, ладно, президент открыл мероприятие и уехал: у него дела – серьезные терки с Обамой. А вот остальные отцы Державы остались сидеть в почетном ряду и на все это «косячество» (точнее, вредительство) хлопали улыбчивыми очами. Интересно, они дружбу народов Российской Федерации, едва собранной после развала СССР, с помощью нобелевского эмигранта Бродского укреплять собираются?

Была на этом шабаше толерантности и еще одна фенька: по заднику сцены то и дело проплывали косяками фамилии отечественных писателей разных времен и достоинств. Одни покрупней, другие помельче. Из здравствующих литераторов проплыли, конечно, Улицкая, Павлова, Толстая, еще кто-то в том же, букеровском, роде. Писателей русского направления гуртом представлял один Распутин. Видимо, организаторам его фамилия понравилась. И на том спасибо! Но самым крупным толстолобиком проплыл по заднику Захар Прилепин, что справедливо и заслуженно. Я без иронии. Он уникален в отечественной словесности, ибо единовременно стал лауреатом Большой книги и журнала «Наш современник», а это как если бы в годы Великой Отечественной войны носить на груди сразу и Железный крест, и Орден Ленина. Правильно: если уж сосать, то всех маток сразу!

2014

Первый, оздоровительный…

Хорошо помню 50-летие Союза писателей СССР. Кремлевский дворец. Мрамор и державный кумач. Запах настоящих сосисок в буфете, просторном, как футбольное поле. Ветхие отцы державы и классики советской литературы – в президиуме. Писатели, правда, пободрее. Живое, многонациональное общение в кулуарах. С трибуны льются речи, полные торжественной заботы о стране. Во всех газетах литераторы делятся с народом своим чувством ответственности. Ощущение открытого праздничного партсобрания.

Не менее памятно мне и 60-летие СП СССР. Полуподпольная, не скажу даже где, сходка, напоминающая поминки по жертве стихийного бедствия. Растерянные, траченные эпохой литераторы, несущие на себе явные следы внезапного обнищания. В центральной прессе – злые насмешки и радостные проклятья: сталинское министерство «правды», тоталитарный загон для писателей, литературная шарашка…

Прошло двадцать лет. Теперь очевидно каждому: самоорганизация литературного пространства возможна, но ведет не к расцвету, а к упадку профессионального сообщества. Во главе писательских групп оказались не лучшие, а худшие. Трудно себе представить, чтобы в 84-м председатель общероссийского писательского союза годами находился в бегах, опасаясь мести за мошенничество, и руководил собратьями по телефону и электронной почте! А возможно ли, чтобы глава литфонда втихаря распродавал писательскую собственность, не имея никаких на то прав и документов? А когда было такое, чтобы легендарным толстым журналом руководила дама, имеющая к литературе такое же отношение, как педикюрша к монументальной живописи?

Оказывается, все это мы уже проходили. Двадцатые годы были не только временем прихода в литературу крупных писателей. Они были временем, когда в нее под революционными знаменами набежало множество странных, агрессивных людей. Одни пришли довоевывать свою гражданскую войну. Другие в пору НЭПа сообразили, что в запутанном писательском хозяйстве можно хорошо подворовать. К писателям ведь всегда отношение было трепетное, и мало кто мог себе позволить говорить с фининспектором так развязно, как Маяковский. Третьих литература влекла своей близостью к власти. В 20-е писатель по влиянию на массы, выучившиеся грамоте, был примерно тем же, чем сегодня является, скажем, ведущий политического телешоу. Враждующие партийные лидеры окружали себя собственными писателями: Сталин своими, Троцкий своими, Бухарин своими и т. д. Гибель многих ярких талантов в те годы связана чаще не с творческими метаниями, а с принадлежностью к группе, проигравшей нешуточную борьбу за власть. Именно поэтому погиб насквозь советский Михаил Кольцов и уцелел насквозь антисоветский Михаил Булгаков.

Кажется, Илья Эренбург вспоминал в мемуарах плакат с древом советской литературы, где крупные писатели были обозваны «попутчиками» и нарисованы в виде осыпавшейся вялой листвы. А в вершине шелестели неведомые ныне, толком ничего не написавшие литераторы. От них этого и не требовалось, главное – держать литературный фронт. Против кого? А вот это вопрос интересный. Чаще против тех, кто хотел из «революционной мешанины» вернуться к нормальной жизни, в том числе литературной.

Именно известные литераторы, измученные «неистовыми ревнителями» и «торителями» новых путей, по совместительству также осведомителями, как Осип Брик, взмолились о создании профессиональной писательской организации. В том, что она будет жестко идеологической, никто даже не сомневался. Кстати, писательские кружки, созданные в эмиграции, были также насквозь политизированы. Власть, надо сказать, долго колебалась: влезать, как и сегодня, в запутанную семейно-литературную склоку ей не хотелось. Но влезла. Почему? Во-первых, это было в русле общего процесса приведения государства из замусо-

ренного зала ожидания Мировой революции в инструмент, в рабочее состояние, а это было невозможно без замены героев революции на профессионалов управленцев, не бравших Перекоп, но умевших созидать. Кстати, мы в 90-е столкнулись с тем же самым. Помните кабинет министров, состоявший из героев баррикад 91-го? Нет, лучше не вспоминать…

Тогда, в конце 20-х и начале 30-х, получилось: на смену бесплодным «сашам красным» литературный процесс возглавили крупные писатели. Кстати, Саша Красный – реальный человек, сочинявший агитки для бронепоезда Троцкого и доживший до ста с чем-то лет. Я хорошо помню этого бодрого старичка, жизнерадостного, как и большинство графоманов. А теперь давайте вспомним имена выступавших на первом съезде: М. Горький, А. Фадеев, Вс. Иванов, Б. Пастернак, Л. Соболев, Л. Сейфуллина, Ю. Олеша… Во-вторых, уже «потянуло порохом со всех границ», и необходимость консолидации общества понимали все, даже литераторы, привыкшие гулять сами по себе. Кстати, на съезде досталось слишком сервильным авторам. Сейфуллина смеялась над теми, кто норовил даже чтение корректуры своего нового романа переложить на Политбюро. В-третьих, утверждавшейся в СССР моноидеологии нужен был один, а не много союзов писателей. Кстати, именно за то, что советская власть «построила» писателей, наши либералы всегда бранили и бранят Союз писателей, забывая, что «построилась» тогда вся Европа, а страны, не успевшие «построиться», были поглощены странами, умевшими ходить строем. Так было! И писателей надо судить не только по тем законам, которые они сами себе устанавливают, но и по тем историческим и национальным условиям, в которых их «черт догадал родиться».

Кроме того, созданный в 34-м Союз писателей СССР являл собой уникальное соединение «в одном флаконе» творческой, идеологической и профессиональной организации, то есть сопрягал основные составляющие литературной работы. Сегодня у писателей нет ни первого, ни второго, ни третьего… Ситуация удивительно напоминает обстановку накануне 34-го года. Не в смысле «закручивания гаек», а наоборот, в смысле разболтанности на грани недееспособности. Сегодня у нас то же засилье литературных активистов, не умеющих писать, тот же финансово-хозяйственный беспредел: так, Минюст за чудовищные нарушения приостановил деятельность трех организаций – Международного литфонда, Литфонда РФ и Международного сообщества писательских союзов. Наконец, послекрымский период нашей истории очевидно требует консолидации общества, особенно тех, кто владеет умами сограждан. «Шишкинский» период литературы, думаю, закончился. А назвал я его так по имени русскоязычного литератора М. Шишкина, который давно натурализовался в Швейцарии, но его широко рекламируют, премируют и даже переводят на иностранные языки при поддержке Агенпопа (подразделение Министерства связи?!) А он в благодарность называет Россию криминально-воровским государством, оккупировавшим исконно украинский Крым…

И как-то хочется собрать съезд писателей. Первый. Оздоровительно-объединительный.

2014

Назначить памятником!

Вот суть конфликта. В ряде СМИ, в том числе в газете «Культура», я высказал недоумение: почему к 100-летию А. И. Солженицына (2018 год) уже началась бурная общефедеральная подготовка, в то время как аналогичные круглые даты крупнейших наших писателей XX века – Шолохова, Твардовского, Катаева и других, – прошли более чем скромно. А про столетие К. Симонова в будущем году вообще ничего не слышно. По этой причине я отказался войти в комитет по празднованию юбилея автора «Красного колеса».

События последнего времени наводят на мысль, что деятели культуры, боровшиеся против СССР на стороне Запада, имеют нынче преимущества перед теми, кто, честно критикуя нелепости советской системы, оставался все-таки по нашу сторону «холодного фронта». Ну, в самом деле, почему великому композитору Георгию Свиридову, умершему шестнадцать лет назад, памятника в Москве нет? А Мстиславу Ростроповичу воздвигли бронзовый монумент в столице с поспешностью, не подобающей монументальному искусству. Тогда уж будьте последовательны: изваяйте маэстро не только с виолончелью, но и с АКМом, с которым он, прилетев из эмиграции, носился в 1991-м по Белому дому. Другого его преимущества перед Свиридовым я, честно говоря, не вижу.

Не стоит обманываться: «советский антипатриотизм» немногим отличался по своей природе от антипатриотизма, нацеленного против самодержавия в 1917-ом, и еще меньше – от нынешнего антипатриотизма, замешанного на болотном неприятии путинского курса. Вера в то, что противники твоего Отечества помогут тебе воплотить политические цели и отплатить за обиды, далеко заводит. Кстати, судьба Солженицына в этом смысле не уникальна. Не зря один из таких же диссидентов Владимир Максимов сказал с горечью: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Когда в самом начале 80-х были запрещены мои повести «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», мною тоже заинтересовались «определенные круги». Да вот я ими не заинтересовался…

Удивительно: простое напоминание известного факта, что Солженицын был нетерпим к советскому строю и считал его мировым злом, о чем говорил во многих своих интервью, почему-то вызвало гнев и обиду его уважаемой вдовы и душеприказчицы Н. Д. Солженицыной (Светловой), обвинившей меня во лжи и усомнившейся в моем праве возглавлять «Литературную газету». Впрочем, это как раз в духе автора эпического фельетона «Бодался теленок с дубом». Мало о ком из собратьев по перу он сказал доброе слово. А вот актер Евгений Миронов, видимо, сильно устав от сочетания творческой и административной деятельности, строго призвал меня извиниться перед обиженной стороной. За что? За то, что Солженицын протестовал против «разрядки» и учил западных политиков недоверию к СССР, как сегодня их учат этому некоторые наши «оппозёры» в связи с событиями в Новороссии? За то, что Александр Исаевич не признавал авторства Шолохова, даже когда была найдена рукопись «Тихого Дона»? За то, что создатель «Двухсот лет вместе» обелял власовцев и бандеровцев? Почему я должен извиняться за чужие поступки и мысли? У меня своих грехов достаточно.

Я нисколько не умаляю роли Солженицына в нашей литературе и считаю, что «Один день Ивана Денисовича» (но не сумбурный «Архипелаг ГУЛАГ») должен быть рекомендован старшеклассникам. Но я против того, чтобы задним числом переписывать, спрямлять историю новейшей литературы, как это делает, например, «карамельная мифологесса» Л. Сараскина в монографии о Солженицыне. Да, я против того, чтобы классиков, достойных «бронзы многопудья», назначали в основном из тех, кто боролся против советской власти со вселенским размахом. В таком случае у молодых людей сложится иллюзия: кандидатом в памятники можно стать, только вдрызг поссорившись хотя бы на время со своей Родиной. А им надо бы объяснить как раз обратное: те наши выдающееся соотечественники, которые

не выносили домашние ссоры и сор на трансатлантические сквозняки, достойны, как минимум, равного с диссидентами уважения и внимания со стороны общества и государства.

2014

Оскародоносец

Говорил и повторю: в картинах Звягинцева («Левиафан» не исключение) художественность с самого начала подменена идеологической схемой, как это было в худших советских фильмах третьей категории. То, что сладкоголосые птицы нашей кинокритики, задыхаясь от катарсиса, называют «художественностью», – это всего-навсего мастеровитость: человек ВГИК окончил и кое-чему научился. Конечно, подгонку фильмов под негласные требования заграничных русофобов, определяющих вкусы и предпочтения главных зарубежных жюри, придумал не Звягинцев, но среди кинематографических портных, шьющих на заказ, он будет одним из первых. Особенно ему удается имитация бескорыстно-спонтанного правдоискательства при реализации абсолютно прагматического проекта. Ну да, сейчас такое время – охотно дают премии за презрение к России, за изображение нашей страны тупиковой ветвью человечества, достойной участи Югославии или Ирака. И о чудо: внутренняя творческая эволюция Звягинцева, извернувшись, мучительно совпала с мировой конъюнктурой. Он выдал требуемое, заодно для достоверности изобразив трагическое разочарование большого художника в своем немытом Отечестве. А если завтра Путин, Меркель и Обама вдруг сольются в групповом общечеловеческом экстазе, тот же Звягинцев сразу обнаружит в нашем незлобивом народе множество милых, даже завидных свойств, не забыв и в этом случае получить в награду свою «бочку варенья». Пардон, джема.

О художественной ценности «Левиафана» даже не стоит говорить. По жанру я бы отнес его к подвиду «оскародоносных» фильмов. Анализировать такие – то же самое, что рассуждать, хорошо ли выглажены брюки у трамвайного карманника. Допустим, идеально. И что дальше? Но об Алексее Серебрякове не сказать не могу. Если бы учредили актерские премии и награды за монотонность и однообразие, он бы собрал все сразу. Кого бы ни играл Серебряков – командира штрафбата, урку, крестьянина, рогатого автослесаря – он одинаков, как башмаки фабрики «Скороход».

А вот ещё подтверждение тому, что «Левиафан» – просто ветхозаветная агитка. Ну скажите, сильно бы пострадал, изменился по смыслу фильм «Судьба человека», если бы героем оказался не русский солдат, а, скажем, татарский? Думаю, не сильно. А теперь попробуйте вообразить на месте звягинцевских персонажей – мерзавца-мэра и христопродавца-владыки – не русского человека и не православного иерарха. Разве нет у нас мэров, депутатов, скажем, из мусульман или иудеев, а то и буддистов? Есть. И окормляют их, как вы догадываетесь, не батюшки. Страшно подумать, сколько за такое кино надавали бы режиссеру глобусов, сколько Оскаров добавили бы и сколькими бы пальмовыми ветвями высекли. Это только у нас за конъюнктурное поношение своей страны можно получить «Золотого орла», вскормленного на казенные деньги.

Но самое грустное заключается в другом. С точки зрения формальных признаков жизненного успеха, тактика таких как Звягинцев безошибочна. Ведь только за показательное отвращение к своей стране можно сегодня получить признание и поощрение просвещенного Запада. Далее с избранным российским деятелем культуры происходит примерно то же, что и с раскрученным брендом. Вроде бы, бритв до чертовой матери, но в голове почему-то крутится один «Жиллет» – «лучше для мужчины нет». Потом, овеянный рассчитанной гонимостью, пророк возвращается в Отечество (лучше на паровозе через всю страну) и становится для народа чем-то вроде водки «Смирнофф». Да, наша расейская, но уже с двумя «Ф» на конце. Почувствуйте разницу! А дальше – самое главное: спохватившаяся родная власть изнемогает, чтобы вернуть благорасположение заблудшего, но всемирно знаменитого овна, оплачивает его бессовестно раздутые творческие сметы, по секундомеру вручает ему ордена

к дням рождения и, наконец, с официантской поспешностью отливает бронзовый памятник великому «возвращенцу» в назидание прочим.

А теперь назовите мне три причины, по которым взыскующему славы режиссеру не стоит снимать фильмы, подобные «Левиафану»! Одну я, впрочем, сам знаю: порядочное отношение к Отечеству. Остальные, может быть, вы мне подскажете?

2014

Подвижница

Само название этой книги, на первый взгляд, объясняет: о ком и о чем в ней пойдет речь. Конечно же, о Татьяне Васильевне Дорониной – великой русской актрисе, четверть века возглавляющей МХАТ имени Горького. Речь пойдет о ее жизни в искусстве. Но это лишь на первый взгляд, потому что в нашем обычае искусство и особенно театр – это не просто эстетическое поприще, это всегда выбор, распутье: подвижничество или пособничество, верность или предательство, созидание или разрушение, облагораживание или обезображивание, воспитание или развращение, обогащение или оскопление традиции…

Общественное влияние человека, стоящего на сцене или смотрящего на нас с экрана, очевидно во все времена, но в эпоху сломов значение этого рода деятельности возрастает стократ. Почему? Да потому что в пору распада и помрачения именно подлинное искусство, как и религиозная вера, дает смятенным людям канон выживания не по звериным, а по людским, нравственным законам. Трудно вообразить, в какие бездны могла бы обрушить страну молодая, жесткая, беспочвенная Советская власть, не будь Художественного театра, Третьяковки, Пушкинского дома, не будь в Отечестве таких пророков, как Горький, Станиславский, Немирович-Данченко, Блок, Есенин, Булгаков… Они встали на пути тех, кто хотел «разроссиить» Россию. Они не позволили.

Татьяна Доронина в советские времена была не просто знаменитой актрисой, чью фотографию я, школьник, с трепетом купил в газетном киоске. Она была, как сейчас принято говорить, лицом советского искусства, а на самом деле – ярчайшим выражением русского национального архетипа, о чем как раз теперь говорить не принято. «Ты меня любишь, а я хочу, чтобы ты меня уважал!» – вслед за героиней фильма «Еще раз про любовь» повторяли миллионы женщин в СССР. И вздыхали они именно так, как вздыхала, волнуясь грудью, героиня другого всенародно любимого фильма – «Три тополя на Плющихе». Театралов восхищали неповторимые и не повторяющиеся сценические образы, созданные Татьяной Васильевной в БДТ, во МХАТе, в театре имени Маяковского.

У любой нации в каждой сфере есть свой «короткий список» знаменитостей. Оказаться в нем почти невозможно, слишком многое должно совпасть и сойтись. Чтобы стало понятнее, о чем я говорю, попробуйте вспомнить имена наших космонавтов. Юрий Гагарин, Герман Титов, Валентина Терешкова… А дальше, увы, кто-то помнит, а кто-то позабыл. Доронина входила в такой «короткий список» советских актрис. Ее знали все. И любили. Зачем я упорно напоминаю об этом? Чтобы польстить? Доронина в лести не нуждается. Но ее феноменальную популярность важно учитывать, ибо в конце 80-х началась эпоха перемен, а точнее – новая смута, и от человека искусства, владеющего умами, а главное – сердцами соотечественников, снова стало зависеть больше, чем обычно. Фактически судьба страны.

Я хорошо помню те времена: казалось, вся творческая интеллигенция поднялась в едином порыве к свободе творчества, против понукающего идеологического жезла, против плановых поставок на сцену и на экран положительных героев. Кто ж знал тогда, что избыток положительных героев – полбеды, настоящая беда, даже катастрофа – их отсутствие. Однако иные деятели, даже поседелые мэтры, понимали свободу творчества примитивно, как подростковое отлынивание от любой ответственности. Не важно перед кем – перед зрителем, читателем, властью, предшественниками, современниками или потомками. За сжиганием партбилетов и трибунным витийством часто скрывалось убогое желание сделаться рантье от искусства и стричь купоны, не думая о том, что культура – неотъемлемая часть народной и государственной жизни. Увы, тогда многим «творцам» казалось и кажется до сих пор, будто можно танцевать на верхней палубе, когда в борту пробоина и кочегары по горло в воде. Собственно, эта агрессивная безответственность крикливой части творческой интел-

лигенции и сделала возможным невозможное. Шоковые реформы. Кровавый октябрь 93-го. Очередную попытку «разроссиить» Россию, попытку, остановленную, да и то не до конца, лишь теперь, в новом веке. Мало кто из звезд, входящих в «короткий список», поднял тогда голос против эпидемии саморазрушения.

Разлом МХАТа в 87-м предзнаменовал разлом СССР. Разделение единого творческого коллектива было закономерным результатом разного понимания смысла и назначения театра. Идти в искусство только за свободой творчества, примерно то же самое как жениться исключительно для разучивания поз «Камасутры». Если человек этого не понимает, объяснить ему невозможно. Те, для кого театр был служением не только искусству, но и народу, державе, выбрали своим лидером Доронину. Возглавив МХАТ имени Горького, она оказалась в ряду немногих, выступивших против плясок на верхней палубе тонущей страны, против попрания исторически сложившихся ценностей русской цивилизации.

И миллионы людей, замороченных эфирной болтовней и клекотом веселой беспочвенности, очнулись: если Доронина против, значит, три сестры, играющие «в бутылочку» с Солёным, это не поиски сценической новизны, а поношение здравого смысла, истребление нравственного закона внутри нас. Если театр Дорониной против того курса, который взяла страна с пробоиной в боку, значит, лукавые лоцманы ведут ее не туда. Либеральная номенклатура и рантье от искусства этого не простили. Четверть века Татьяна Васильевна жила и работала в атмосфере необъявленного бойкота, когда упорно замалчивались ее новые роли и постановки, когда старательно забывались ее круглые даты. Я и сам натолкнулся на эту ледяную стену, выстроенную вокруг Дорониной и ее театра, когда в 2001-ом со Станиславом Говорухиным работал во МХАТе над спектаклем «Контрольный выстрел». Но что подвижнице неприязнь себялюбцев? Что человеку, который служит своему народу, суетливая месть тех, кто «живет, под собою не чуя страны»? Ничто.

Итак, читатель, эта книга не только об актрисе и ее жизни в искусстве. Автору Галине Орехановой, давней, верной соратнице Татьяны Васильевны, удалось ярко, опираясь на обширный материал, показать, как в смутные времена настоящее искусство формирует канон нравственного выживания, как живая традиция оберегается от мертвой новизны, как и какой ценой большой национальный художник помогает своему народу отвернуться от бездны.

2014

«На Украине началась гражданская война, которая зрела годами»

Давайте скажем прямо: на Украине началась гражданская война, новая Руина, которая зрела годами, если не веками. Это предрекали многие. Лет семь-восемь назад один из бывших руководителей УССР сказал мне в доверительной беседе: «Украина обречена на распад…» И вот началось. Обычно гражданскую войну представляют себе как чисто классовый конфликт, так нас учили при советской власти. Конечно, глядя на того же Коломойского, испытываешь классовую неприязнь, но не только… Гражданская война – это всегда клубок конфликтов, в том числе политических, этнических, религиозных, цивилизационных… Именно так и было при разрушении Российской империи.

Кто хоть раз смотрел по телевизору заседание Верховной Рады, понимает: современная Украина – сплошной политический ералаш. Даже удивительно, что страна так долго продержалась. И лишь слепому не виден межплеменной конфликт на Украине: «западенцы», малороссы, русины и русские Юго-Востока – это совсем разные народы с различным этногенезом. Могут они жить в одном государстве? Наверное, могут, если дотошно соблюдаются права каждого этноса, как, например, в Бельгии, Швейцарии, Финляндии или России. Но первое, что сделала «майданутая» власть, – запретила русский язык. Зачем? А чтобы объяснить, кто теперь в доме хозяин. Но кто сказал, что именно «мовофоны» – хозяева на Украине? Это надо доказать. Вот и доказывают «коктейлями Молотова».

На Украине налицо также межконфессиональный конфликт, начавшийся не вчера, а давным-давно, когда католическая Европа, проиграв в открытом столкновении с «ортодоксами», пошла другим путем – униатским. Острие нынешнего конфликта направлено против Московской православной церкви, всегда стоявшей за единство евразийского пространства. Не случайно во главе хунты – баптист, сайентолог, униаты, раскольники и бог еще знает кто, судя по ухваткам и физиономиям. Кстати, в первом большевистском правительстве были даже сатанисты, «пострадавшие» позже от Сталина. Но это я так, к слову… Можно ли сохранить единство страны при межконфессиональном ожесточении? Видимо, можно – в двух случаях. Если конфессии будут сосуществовать в согласии во имя общих гуманитарных целей. Второй вариант: если одни политически подавят других, как в Северной Ирландии, где католики и протестанты живут в ненависти и насилии много веков. Кстати, марши и камлания правых («Кто не прыгнул, тот москаль!») очень напоминают марши оранжистов в Ольстере. То ли еще будет, если «право-коричневые» победят, и начнутся «марши ярошистов»!

Кроме того, на Украине жесткий межцивилизационный конфликт. Говоря проще: то, что для одних алтарь, для других – плевательница. Для одних русский язык – основа самоидентификации, для других – «собачья москальская тарабарщина», а родной может быть только мова, которую за последние десятилетия искусственно изменили так, что Тарас Шевченко от изумления зарыдал бы. Помню, в советские годы, бывая на Украине и слушая радио, я, изучавший в вузе старославянский, понимал почти все. Теперь я не понимаю почти ничего. Какой-то мовояз! Ни один язык не может за четверть века так сильно измениться, естественно развиваясь. Зачем это делалось? А вот зачем. Есть такое понятие – «конституирующий чужой». Народу, чтобы обособиться, надо кого-то себе противопоставить. Так, римляне, называли кельтов варварами. Бар-бар-бар… Бормочут что-то, а непонятно. Славяне называли германцев «немцами». Мол, говорят что-то, а все равно, как немые. Строя свою внезапную государственность, украинская, воспитанная на галицийской традиции элита не нашла ничего лучшего, как выбрать себе в качестве «конституирующего чужого» Россию. И это когда половина населения или русские, или те, кто считает русский язык родным, что

в сущности одно и то же. Можно заставить русских говорить по-украински? С помощью оружия можно. Но в Канаде почему-то никто не заставляет франкофонов перейти на английский. Понимают: страна сразу распадется. А в Киеве не понимают.

Межцивилизационный конфликт – это борьба символов, а также версий истории. Так, для одних граждан Украины День Победы – главный праздник. Для других – день позорного поражения, сигнал к жестокому реваншу. Как соединить в одном государстве людей, для которых главный герой войны – Жуков, с теми, кто молится на Шухевича? Трудно вообразить объединенную Германию, где в Восточной части Берлина продолжают праздновать 9 мая, как некогда в ГДР.

Кроме того, «западенская» элита во многом относится к Новороссии как метрополия к колонии. Видимо, сформировавшись под пятой Австро-Венгрии и Польши, а потом в условиях ленинской «коренизации», она отношения «пан-холоп» воспринимает как единственно возможные. Весь вопрос в том, кто пан, а кто – холоп? Холоп, естественно, для хозяина – недочеловек. Отсюда «колорадские жуки». Дело не в цветовом сходстве, все гораздо страшнее. Колорадский жук – вредитель, его надо уничтожать до последнего. Именно здесь ментальный исток карательной жестокости «правого сектора». Теперь подумаем, что будет, если львовско-киевские картофелеводы, вооруженные новейшим американским дустом, останутся с «колорадскими жуками» в одном государстве?

Мне кажется, точка невозврата, особенно после Одесского пожарища, пройдена. Как говорится, назовите мне хотя бы одну причину, по которой Новороссия должна быть под трезубцем в составе Украины, которая возникла как результат революций и противоборств сверхдержав. В награду за верность историческим зигзагам Хрущев привесил к ней Крым, завершив собирание украинских земель. Чтобы сохранить огромную территорию, превратившуюся в 91-м из условно-административной единицы в незалежное государство, от власти требовался максимум гибкости, толерантности, компромиссов. А что они сделали? Понесли на хоругвях Бандеру и стали требовать, чтобы все Николаи впредь именовались Миколами. Если кто и виноват в развале Украине, то лишь ее националистическая элита. Какие-то второгодники! Неужели не понятно, что после ликующего ухода Крыма в Россию нужно было кардинально сменить стратегию. Нет, не сменили! Потому как не единство им нужно, а единовластие…

Степень вмешательства России в украинскую смуту зависит от степени безрассудства киевской власти. А оно, кажется, беспредельно. Еще в начале 90-х годов я писал о том, что историческая сверхзадача нашей страны – восстановление единства русского народа, разорванного на части катастрофой 91-го. Ах, как надо мной тогда потешались либералы, которые мечтают о маленькой России с той же нежностью, как педофил о школьнице! А ведь речь велась не о включении отторгнутых русских территорий в состав РФ. Речь шла о единстве хотя бы экономическом, культурном, языковом, что, кстати, и предполагали параграфы Беловежского соглашения, забытые сразу же после того, как протрезвели подписанты. За некоторыми исключениями лимитрофы, созданные на руинах СССР, установили у себя суровые этнократические режимы, направленные на вытеснение, притеснение или насильственную ассимиляцию русских. Ельцинское прозападное окружение, козыревский МИД это поощряли. Украинская государственная русофобия поднялась и окрепла на почти дармовом русском газе, который гнал по трубам «конституирующий чужой». Наверное, Черномырдина и направили послом в Киев – чтобы сам посмотрел на дело рук своих! Превратив русских в объект унижения, даже искоренения, некоторые лимитрофы сами вынудили Россию, отряхнувшуюся от слизи либерального пораженчества, занять более жесткую позицию. Немало постарался и Запад. Он все эти годы использовал русофобию на евразийском пространстве как минные галереи-подкопы, с помощью которых раньше взрывали стены сопротивляющейся крепости. Могла ли Россия в этой ситуации и дальше фуршетно улыбаться, когда

«западные партнеры», говоря попросту, оборзели? Нет, конечно! И не потому что русские хотят войны, а потому что они ее не хотят. Когда-то нужно было объяснить друзьям-НАТОвчанам, что негоже воплощать геополитические фантазии с помощью «цветочно-фруктовых революций» и бомбежек, что разговаривать с нами как с побежденными недопустимо. Мы войну не проигрывали, нас просто сдали ненадлежащие правители, и с них еще История спросит.

Есть ли у страны ресурсы для такого объяснения с Западом? Не знаю, я не специалист… Однако первый же серьезный конфликт наших и западных интересов прояснил, что необходимо нам делать в военном, экономическом, финансовом, информационном и прочих направлениях, чтобы обеспечить реальный, а не сувенирный суверенитет России. Прояснилось и то, как с помощью внутреннего прозападного лобби нас много лет делали «страной-бензоколонкой». Конечно, в ответ на эту колкость улыбчивого Обамы можно назвать Америку «страной – печатным станком», что недалеко от правды. Но отшутившись, мы не отменим тех огромных задач, которые стоят перед нами после долгого существования в виде добровольного западного доминиона. Я нарочно сгущаю краски, но мы слишком долго смотрели на мир сквозь зеленый доллар. По размаху эти задачи сопоставимы с экстремальной индустриализацией накануне Второй мировой, а может, и еще грандиознее!

Но самое трудное тут не строительство новых заводов, проектирование новых ракет и спуск на воду новых авианосцев, хотя и без этого не обойтись. Самое трудное – это оздоровление и обновление нашей политической, экономической, культурной и медийной элиты, которую выговаривать слово «патриотизм» кремлевские логопеды выучили совсем недавно. Тут я не сгущаю… Когда шла трансляция знаменитой кремлевской речи Путина 18 марта, камера выхватила лицо одного крупного чиновника. В его глазах была глухая тоска рекрута, отправляемого на войну с обожаемой им страной. А ведь Путин призывал не к войне, наоборот, к миру, здравому смыслу, деликатно напоминая об исконных интересах России.

Что же ты головушкой поник, слуга народа?

2014

Мыши и теплоходы

На Российском литературном собрании не удалось сказать о многом. Например, о российском постмодернизме, не совпавшем с национальными историческими смыслами и оставшемся игрой седомудрых тинейджеров. Или – о новых реалистах, вообразивших, будто фекальная масса, вогнанная в текст под большим давлением, делается алмазной прозой. Не делается. Можно было бы поговорить о современной поэзии, которая пренебрегла предостережением Николая Заболоцкого и превратилась-таки «в бормотанье сверчка и ребёнка», поэтому нечего удивляться, что стихи теперь не собирают ни залов, ни тиражей. О центонном зубоскальстве, продолжающем традиции «агиток Бедного Демьяна», и говорить нечего: не та материя – бумазея. Надо бы вспомнить и о критике, которая давным-давно променяла осторожное советское правдолюбие на сытую цепную жизнь в подворотнях премиальных фондов и окололитературного глянца. У нынешних критиков даже лица стали какие-то уклончивые…

Кто плавал по Волге, замечал, конечно, что теплоходы чаще всего носят имена писателей: «Пушкин», «Толстой», «Чехов», «Маяковский», «Шолохов»… Это не реликтовый каприз агитпропа, это законное признание того, какую огромную роль играла литература в истории нашей страны до последнего времени. Нас даже называли литературоцентричным обществом. Однако с конца 80-х стала активно внедряться мысль, что, мол, литература – дело частное, интимное, кухонное, что любая сцепка изящной словесности с государством – верный признак недобитого тоталитаризма. Кстати, «голливудоцентричность» почему-то не помешала американцам стать мировым лидером и глобальным дистрибьютором демократии.

Конечно, можно бы согласиться с тем, что литература – дело частное, и почить на грантах, периодически по линии Агенпопа выезжая за рубеж, чтобы поругать своё Отечество и посодействовать глобальным затеям иных держав. В самом деле, какое дело «поэту мирному» до того, что в нашей стране катастрофически упал интерес к чтению, а грамотность скоро вернётся к уровню 20-х, когда начинал свою работу незабвенный ликбез.

Какая забота «новодрамцу» до того, что репертуары театров наполнены вивисекцией классики или переводным смешиловом, а современную российскую пьесу читают друг другу в лабораторных кружках, как раньше доклады энтомологов-любителей. Писатель некогда был частым гостем в библиотеках, школах, студенческих аудиториях, на заводах, стройках, в научных институтах. Низко для высокого искусства? Наверное, не ниже, чем декламация рифмованной матерщины на устричных корпоративах. Следуя наказу Гоголя, писателю давали возможность «проездиться по России». Существовала целая система, в частности Бюро пропаганды художественной литературы. Не нравится слово «пропаганда»? Не надо. Пусть это будет общество ревнителей русского слова. Никто лучше писателя не увлечёт молодого человека книгой. Хотя при этом надо помнить: хорошая книга делает человека лучше, а плохая – хуже. И если советская литература изнывала от платных оптимистов, то теперь она зашлакована штатными пессимистами, выпестованными букерами. А, впрочем, кому какое дело? Литература-то – дело частное… Кстати, зачатие и деторождение – тоже дело глубоко частное, даже интимное, однако от этого зависит демография и в конечном итоге историческая судьба народа. Впрочем, что до судьбы народа литератору, измученному национальной самоидентификацией, как мятущийся транссексуал – очередной сменой пола.

Однако есть, есть ещё писатели, сознающие неразрывную связь своего труда с «безъязыкой улицей». Как быть с ними? Сегодня, когда немощные союзы писателей с большим аппетитом окормляют в основном самих себя, необходимы новые формы организации писательского сообщества. Помните анекдот про низкорослую семью? Сын приводит в дом лили-

путку и объявляет: «Женюсь!» А мудрый отец задумчиво говорит: «Сынок, эдак мы и до мышей доженимся!» Так вот, доженились-таки мы до мышей: в реестре профессий писатели вообще отсутствуют. Нет такой профессии! Пока не будет принят закон о творческой деятельности, любое объединение литераторов для власти по статусу останется примерно тем же, чем является общество любителей розовых черепашек. Очевидно: для выхода из системного кризиса писательскому сообществу необходима правовая и техническая помощь государства. Да, помощь, и нечего кричать о том, что писателей снова «построят». Когда в начале кризиса зашатались российские банки и власть вбухала в них гигантские бюджетные средства, почему-то правозащитники не кричали о наступлении на свободу предпринимательства. Хотя по рыночной логике можно было бы сказать: «Зашатался – падай. Придут другие, молодые, сильные…» Нет, насыпали банкирам денег, как леденцов улыбчивому дебилу.

Наша литература наконец должна всерьёз начать сотрудничать с государством, своим, между прочим, – не чужим. Сотрудничать, а не обслуживать. Официантская бабочка мастеру слова не к лицу. Впрочем, некоторые вместо бабочек носят белые ленточки. Убеждён, у отечественной словесности наконец должны появиться общие с государством проекты, нацеленные на будущее державы и связанные с развитием отечественной культуры. Инструментом этого сотрудничества могло бы стать Российское литературное общество, воссозданное по аналогии с Военно-историческим обществом, успевшим за короткий срок серьёзно потеснить в информационном пространстве казённый антипатриотизм, который насаждали в стране с начала 90-х, как прежде Хрущёв кукурузу. Конечно, если литератору неприятие любой власти необходимо для обмена веществ, он так и останется в глумливой оппозиции к любому общему делу. Имеет право. Мы живём в свободной стране. Но настоящая литература живет в железной клетке красоты.

2013

Где проспект Ивана Калиты?

Эта статья, написанная несколько лет назад, была бурно встречена общественностью и молчаливо не замечена властями предержащими. Хотя, казалось бы, возвращаясь на свой подлинный геополитический путь, нам надо убедиться, что названия тех же улиц, по которым ходят наши граждане, не вносят в их сознание путаницу, не рождают в головах сумбур вместо истории. Переписывая учебники, превращенные в 1990-е годы в путеводители по черным пятнам Отечества, следует помнить, что школьник, выйдя из класса на улицу, должен если не отыскать в топонимике подтверждение знаниям, полученным на уроке, то по крайней мере не прийти в изумление от неведомых имен на табличках и указателях. Да и вообще надо наконец научиться увековечивать имена тех людей, которые принесли пользу Отечеству, а не просто оставили свой след. От иных гостей иногда такой след остается, что потом полы надо отскабливать.

Недавно на встрече президента В. Путина с общественностью активный А. Венедиктов, руководитель «Эха Москвы», спросил, почему, мол, в столице нет улицы Владимира Высоцкого? И все сразу засуетились, занервничали: «Ах, боже мой, как же так?!» А тут еще скончалась Майя Плисецкая. И городское начальство сразу же стало соображать, какой переулок или проезд назвать ее именем. Но погодите! А где улица Улановой, Свиридова, которому в этом году исполнилось бы сто лет, где переулок Вертинского или гения русской песни Фатьянова? Таких названий не только нет в столице, но об этом даже не заикается прогрессивная общественность, ибо деятели отечественной истории, науки и культуры, не помеченные особым либеральным «штрих-кодом», даже не рассматриваются на предмет увековечивания. Почему? Вопрос интересный. Об этом как раз моя статья, не утратившая, увы, актуальности.

* * *

Где проспект Ивана Калиты? Нигде. В Москве такого нет, как нет площади, улицы или переулочка, носящего имя этого рачительного князя, который, говоря по-современному, запустил процесс превращения одного из окраинных городов Золотой орды в столицу Руси – собирательницу земель русских. Калитниковские улицы и проезды к Калите отношения не имеют, они лишь напоминают о том, что встарь здесь проживали калитники – ремесленники, мастерившие кошельки. Странное дело, за исключением Юрия Долгорукого, Александра Невского и Дмитрия Донского (их советская власть в трудную годину призвала под свои знамёна), ни один другой венценосный Рюрикович или Романов не увековечен в московской топонимике. Где славные имена Ивана III, окончательно одолевшего ордынское иго, или Алексея Михайловича Тишайшего, начинавшего мягкую модернизацию России, которую его необузданный сын Пётр «рукой железной поднял на дыбы». Кстати, Петровка получила своё имя не в честь Петра Великого, а из-за близости Высоко-Петровского монастыря. Есть, правда, названия, косвенно хранящие память о великих монархах: Александровский сад (разбит при Александре Первом), Екатерининский сад (принадлежал одноимённому институту благородных девиц), Николаевский тупик – упирался в Николаевскую железную дорогу и чудом, а может, с глумливым умыслом сохранён большевиками. Вот вроде и всё. Ни тебе Александра Второго Освободителя, ни Александра Третьего Миротворца, ни царя-мученика Николая Второго. Знаете, вообще-то я не монархист, но и у меня такая «монархофобия» вызывает недоумение. Тот, кто бывал в столицах мира, наверное, замечал: там имена императоров, королей, курфюрстов и других суверенов, даже невеликих, непременно запечатлены в названиях улиц. Я уже не говорю про Чингисхана, который в иных среднеазиатских респуб-

ликах давно по частоте употребления затмил Ленина с Марксом. А в Москве нет даже улицы родоначальника царской династии – Михаила Фёдоровича. Как-то даже неловко в преддверии 400-летия Дома Романовых! Но не спеши, читатель, удивляться всем этим странностям, мы только вступаем в паноптикум парадоксальной московской топонимики.

Небрежение самодержцами было бы понятно при ранних коммунистах, они взрывали храмы, переименовывали всё, что напоминало о «тюрьме народов» и «самовластительных злодеях», принципиально называли улицы во славу бунтовщиков-мятежников, если выражаться по старому стилю, и народных вожаков, если по новому: Разина, Пугачёва, Болотникова. Не забывали и цареубийц с бомбистами – Каляева и Халтурина. Но это было прежде, при ВКП(б) – КПСС. А что же сегодня, когда первые лица стоят со свечками в храмах, а визит в Отечество кого-нибудь из остаточных Романовых выглядит чуть ли не встречей в верхах? Да, в Москве нет теперь улиц Разина и Каляева… И правильно, нечего бунтовать против властей. Зато улицы Пугачёвская, Халтуринская и Болотниковская целёхоньки. Забыли про них, что ли, в угаре первичного накопления или решили, что всех смутьянов из истории тоже выкидывать не стоит? Не ясно.

Но с особой бережностью Москва хранит память о декабристах, многие персонажи первого этапа освободительного движения получили прописку на улицах города: Каховский, Бестужевы, Одоевский… Люди, конечно, были талантливые, смелые, с размахом, мечтали реформировать Россию, не стесняясь в средствах. Сам я недолго жил на улице Пестеля, который так планировал после уничтожения династии решить еврейский вопрос: предложить им креститься, а тех, кто откажется, построить в колонны и пешедралом отправить в Палестину. Он был твёрдо уверен, что миллионную толпу, возвращающуюся на историческую родину, остановить никто не захочет, даже покормят и с собой дадут. М-да, сложись на Сенатской по-другому, и будить было бы некого. А для героя Отечественной войны 1812 года генерала Милорадовича, некрасиво застреленного Каховским, переулочка в Москве не нашлось…

Такая же грустная участь постигла многих государственных мужей, послуживших укреплению державы. Есть Сибирская улица, но нет улицы Ермака Тимофеевича – первопроходца Сибири. Ермакова Роща всего лишь увековечила фамилию давнего домовладельца. А как пройти на площадь Столыпина? Никак. Её тоже нет на карте Москвы. Поразительно! Ведь в том вязком информационном натиске, что заменяет нам нынче идеологию, Пётр Аркадьевич представлен как самый главный и успешный реформатор за всю нашу историю. К тому же он любимец Никиты Михалкова, который продавливал его на первое место в телешоу «Имя России», будто приятеля-режиссёра на премию «Золотого орла». А вот аллея Сергея Юльевича Витте в Москве имеется. Правда, странно? Столыпина нет, а Витте есть. С чего бы? Ах, ну да, Витте как бы либерал, а Столыпин – монархист… Впрочем, это – лишь самая невинная из тех столичных нелепиц, что заставили меня усесться за недоумённо-топонимические заметки.

Когда-то, будучи молодым поэтом, я сочинил стихотворение «Прогулка по Москве», где были такие строки:

Как неярким апрелем припрятанный снег
От лучей посторонних,
Я ищу девятнадцатый век
В подворотнях…

А и в самом деле, давайте поищем XIX век, шагая по столице. Где, например, улица графа Дмитрия Владимировича Голицына. Кто такой? Ну как же! Возглавлял Москву с 1820 по 1844 год. Отец города! Забыли. Не помешал бы и переулочек генерала Джунковского, он руководил столицей в труднейшее время (1905–1915), много сделал для Первопрестольной,

«утратив доверие» царя, попросился на фронт, остался после Октября в СССР и погиб в 38-м году. Это теперь уволенные начальники тихо убывают в свои заграничные замки, а царские сатрапы, как и большевистские наймиты, были куда усидчивее, скромнее и патриотичнее.

Но может быть, мы найдём улицу Николая Александровича Алексеева? Кто такой? Удивительный человек! Он был с 1885 по 1893 год московским головой. Этот предприниматель, пошедший, говоря по-нынешнему, во власть, устроил в столице современную канализацию, водопровод, обрёл для города Третьяковскую галерею и трагически погиб от рук сумасшедшего убийцы в своём думском кабинете. Но нет, его имя тоже не увековечено. Есть, правда, улица и два переулка Петра Алексеева, известного рабочего-революционера, но это, как говорится, совсем из другой оперы. А метро «Алексеевская» поименовано так в память старинного села. Раньше станция называлась «Щербаковская» – в честь Александра Щербакова, с 38-го по 45-й возглавлявшего Москву и организовывавшего оборону столицы от фашистов. Но поскольку он был из «гнезда Иосифова», то его имя в 90-м исчезло с карты города вместе с именами Жданова и Куйбышева. Хотя в то же время улицы Шверника и Орджоникидзе, других сталинских соратников, сохранились как ни в чём не бывало. Чудеса!

Двадцать лет нам внушают, что Российская империя подошла к Первой мировой войне в небывалом расцвете, кормила весь мир отборным зерном. Это – правда, как и то, что собственные подданные хронически недоедали и даже порой голодали. Нас уверяют, что Октябрь был катастрофой, красным колесом, прошедшим по цветущей стране, что Белое движение потерпело крах из-за того, что каппелевцы, марковцы и дроздовцы были чисты, наивны, благородны, а потому бессильны против злобных шариковых, вооружённых винтовками Мосина и возглавляемых Швондерами в кожаных тужурках. Допустим. Но в таком случае покажите мне хотя бы переулочек генерала Лавра Корнилова, поднявшего знамя борьбы с богоборческим режимом! Проводите меня к бульвару генерала Деникина, на улицу адмирала Колчака или хотя бы в тупичок Врангеля! Увы, в топонимике Москвы нет ничего, напоминающего о мучениках белой идеи.

Зато есть Абельмановская улица и площадь Абельмановской заставы. Названы так в честь большевика Николая Абельмана, погибшего при подавлении левоэсеровского мятежа в 18-м. Есть улица штурмовика Зимнего дворца Антонова-Овсеенко. Имеется улица Баумана, сохранившая имя революционера, убитого во время событий 1905 года. Есть улица Сергея Лазо, героя Гражданской войны, сожжённого японцами в паровозной топке. Мы доезжаем до станции метро «Добрынинская» и можем гулять по четырём Добрынинским переулкам, названным в честь Петра Добрынина, организатора Красной гвардии. Имеется и улица Маршала Тухачевского, не только продувшего Варшавскую операцию, но и травившего газами тамбовских повстанцев… Есть улицы организатора Красной армии Подвойского и целых шесть проездов Подбельского, наркома почт и телеграфов, которые взяли прежде всего. Потом он усмирял Ярославское восстание и умер в 20-м от тифа. Сохранена память о лихих революционных матросах Железняке и Дыбенко. Осталась улица, носящая имя секретаря Ленина большевички Фотиевой, приглядывавшей за больным шефом. Есть улицы пламенных большевичек Елены Стасовой и Инессы Арманд, которая была, как теперь известно, последней любовью вождя мировой революции.

Сам я рос в Балакиревском переулке в полной уверенности, что этот кусочек старой Москвы зовётся так в честь русского композитора из «Могучей кучки»: тогда не вешали на стенах таблички, объясняющие происхождение и смысл названия. Лишь со временем мне удалось узнать, что бывший Рыкунов переулок переименован в честь большевика, рабочего пуговичной фабрики Николая Балакирева, участвовавшего в октябрьских боях и умершего опять же от тифа на колчаковском фронте. После этого уже не кажется странным, что нетронутыми остались улицы Дундича, Боженко, Щорса и Чапаева. Всё-таки легендарные люди,

про них сняты фильмы. А вот память мальчишек-юнкеров, засевших в 17-м в Кремле и тщетно пытавшихся защитить законную власть, никак не увековечена.

В общем, в Москве остались десятки, если не сотни названий, хранящих для потомков имена борцов за власть Советов. Разумеется, недопустимо вычёркивать из истории столицы людей, установивших строй, при котором страна не так уж плохо прожила семьдесят лет. Многое из советских достижений я бы мечтал перенести в наше время. И такое обилие «красных» имён не вызывало бы у меня неприятия, если бы при этом целые пласты отечественной истории не выпали из столичной топонимики. Ну скажите, зачем нам с вами революционный пуговичник Балакирев, забытый уже при советской власти, если нет улицы имени его великого однофамильца? Зачем нам Клара Цеткин, если нет улицы княгини Софьи Щербатовой, великой благотворительницы, создавшей в Москве сеть приютов и богаделен?

В 90-е годы на мутной волне молодого, задорного антисоветизма были переименованы многие улицы Москвы. Например, улицу Горького сделали Тверской. И поделом – не дружи с большевиками. А с другой стороны, с кем ещё дружить «буревестнику революции»? Улица Грибоедова снова стала Малой Харитоньевской, улица великого драматурга Островского – Малой Ордынкой, переулок писателя-страдальца Николая Островского, чья житийная повесть «Как закалялась сталь» переведена на все мировые языки, стал зваться Пречистенским, хотя до 37-го именовался Мёртвым по имени домовладельца Мертваго (не путать с Живаго). Очевидно, в данном случае тяга к благозвучию победила порыв к исторической аутентичности. Площадь Маяковского снова стала Триумфальной. Площадь Лермонтова – Красными Воротами. Улица Герцена обернулась Большой Никитской, улица Алексея Толстого – Спиридоновкой. А ведь в ту пору уже имелись площадь Никитских Ворот, сохраняющая вечную память о Никитском монастыре, а также Спиридоньевский переулок. Зачем же было трогать больших писателей? Кстати, улица пролетарского поэта Филиппа Шкулева, автора песни «Мы кузнецы, и дух наш молод…», сохранена в неприкосновенности. С чего бы это?

Первоначальный замысел ясен и логичен: вернуть дореволюционные названия, дабы восстановить историческую справедливость, и убрать с карт скороспелые плоды большевистского своевольства. Согласен. Но тогда почему улицу Дурова не переназвали обратно Божедомкой? Возможно, те, кто занимался переименованиями, посещали в детстве Уголок Дурова, вспомнили, прослезились и пощадили великого дрессировщика. Но ведь и «Золотой ключик» они наверняка читали. Однако Алексею Толстому это не помогло. Так же непонятно, почему Большая Коммунистическая не стала, как встарь, Большой Алексеевской в честь храма митрополита московского Алексия, а сделалась вдруг улицей Солженицына? Думаю, великому правдопроходцу и справедливцу это бы не понравилось. Или вот ещё любопытный пример. Долгие годы в центре была улица Дмитрия Медведева, Героя Советского Союза, писателя, автора мемуаров «Это было под Ровно», но потом ей вернули прежнее название Старопименовский переулок, а имя литератора-партизана присвоили в 2005-м улице в районе Косино-Ухтомский. Разве нельзя было так же поступить с писателями, куда более значительными? Не понимаю! Нечто похожее случилось и со Станиславским. Переулку, носившему имя великого реформатора сцены, вернули прежнее название – Леонтьевский, а улицей Станиславского стала былая Малая Коммунистическая. При этом както незаметно потеряли улицу Немировича-Данченко, зато у нас снова есть Глинищевский переулок. Какое счастье!

Идём по Москве далее. Если застой 70–80-х погубил страну, как ныне принято считать, то почему остался проспект Андропова, и к стене его дома на Кутузовском привинчена мемориальная доска? А если застой был не так уж плох, во всяком случае, не столь вреден стране, как гайдаровские реформы, то почему у нас в таком случае нет улицы Брежнева? И почему мемориальная доска в честь генсека, руководившего страной без малого двадцать

лет, висит не на Кутузовском проспекте, где он жил в квартире, на которую бы не позарился теперь чиновник средней руки, а прибита она почему-то около Бранденбургских ворот в Берлине на посмешище туристам. При этом в Строгине осталась улица члена брежневского Политбюро Фёдора Кулакова. Абсурд!

И таких странностей в нашем городе хоть отбавляй. Исчезла вкупе с памятником площадь Дзержинского – главного чекиста, пролившего во имя революции немало кровушки. Может, и правильно исчезла – «не губи несчастных по темницам»! Но тогда почему осталась улица Вячеслава Менжинского, сменившего Железного Феликса на посту председателя ВЧК – ОГПУ? Почему сохранена улица Михаила Кедрова – начальника Особого отдела ВЧК? Зачем нам улица пламенного австровенгра Бела Куна, ох, и полютовавшего в России, организовавшего вместе с Розалией Землячкой в Крыму массовое истребление белых офицеров, уже сложивших оружие. Да, улица, полвека носившая имя кровавой Землячки, ныне называется Большой Татарской. А вот имя одного из организаторов уничтожения последнего русского императора и его семьи – Петра Войкова – продолжают носить станция метро, улица и целых пять проездов! Иногда дело объясняют так: мол, Войкова увековечили не как цареубийцу, а как советского полпреда, погибшего на посту. Володарский тоже был убит на посту. Но его улица теперь называется Гончарной. Исчез без следа из городской топонимики Свердлов, куда более значительный деятель Октября, вдохновитель расстрела Романовых. А Войков, как заговорённый, хотя пишут об этом и возмущаются двадцать лет. Вы что-нибудь понимаете? Я ничего не понимаю…

И снова хочется спросить: если Октябрьская революция – катастрофа, своротившая Россию с цивилизованного пути, то почему же в эти два десятилетия, когда антисоветизм стал нашей потаённой государственной идеологией, не появились площади, улицы и переулки, носящие имена тех, кто противостоял надвигавшейся буре. Где улицы Победоносцева, Каткова, Суворина, Дубровина, Михаила Меньшикова? Где бульвар героев Ледяного похода? Что происходит? Почему в учебниках одна история, а на московских улицах другая? Кстати, в Первопрестольной не нашлось места многим великим русским историкам – Нестору, Татищеву, Соловьёву, Костомарову, Иловайскому, Бартеневу… «Минуточку, а Костомаровская набережная и улица Татищева?» – встрепенётся бдительный москвич. Увы, эти названия сохранили фамилии бывших домовладельцев и к нашим «Геродотам» отношения не имеют. Точно так же не имеют отношения к великому издателю Сытину, насытившему Россию доступными дешёвыми книгами, Сытинские переулок и тупик. Всё-таки частная собственность – великая вещь: прикупил домик и остался в Истории. К счастью, в центре сохранились улицы историков Ивана Забелина и М. П. Погодина, последняя даже с мемориальной избой. Да ещё имеется проезд Николая Карамзина, упирающийся в Московскую окружную дорогу. М-да, так далеко великого историографа власть не посылала даже после крамольной «Записки о новой и древней России».

И ещё об истории. Конечно, за двадцать лет постсоветской власти в московских названиях поубавилось число революционеров-демократов и разных прогрессистов. Пострадали Герцен, Белинский, Грановский, Огарёв, Некрасов. Некрасовская улица к автору «Русских женщин» отношения не имеет. Впрочем, зацепились и уцелели улицы-переулки революционеров-демократов Добролюбова и Чернышевского, анархистов Бакунина и Кропоткина. А вот их оппонентам-славянофилам не везло всегда: и при царях, и при коммунистах, и при демократах. Третье отделение за ними следило, тиранило, их даже сажали в Петропавловскую крепость, как и революционеров. За что? Вроде бы Русь к топору не звали, уповали на крестьянскую общину и ставили православие выше папизма. Одна беда: слишком большое значение придавали русскому народу. А если учесть, что высший слой в империи был интернациональным, и поляков с остзейцами толпилось у трона едва ли не больше, чем лиц «титульной национальности», нелюбовь начальства к славянофилам понять можно. Но и

после Октября эти старорежимные беды им не зачлись. Щедро воздав жертвам прежнего строя и увековечив их в городских названиях, большевики даже не вспомнили про братьев Аксаковых и Киреевских, Хомякова, Самарина. Самаринская улица к последнему опять же никакого отношения не имеет. За близость к славянофилам пострадал и самый московский из поэтов – Аполлон Григорьев, не получив прописки даже в малюсеньком переулке:

Поговори хоть ты со мной,
Гитара семиструнная…

Надо ли объяснять, что новый правящий слой, певший Интернационал при каждом удобном случае и порой плохо изъяснявшийся по-русски, зато сплочённый вокруг ЦК, вообще считал славянофилов просто разбавленными черносотенцами. Допустим. Но потом-то, после 91-го, когда все бросились восстанавливать храмы и атрибуты имперского прошлого, вплоть до двуглавого орла? Полноте! Достаточно вспомнить, что за публика внесла Ельцина в Кремль, чтобы сообразить: в «новой России» у славянофилов не было никаких шансов.

Зато в московской топонимике до сих пор широко представлен революционный интернационал. Я не говорю о титанах и классиках коммунизма: улицы Марксистская, Энгельса, Розы Люксембург, целых три – Бебеля… Заслужили, видимо. Но зачем нам в Москве столько мирового коммунистического, рабочего и прочих прогрессивных движений? Судите сами: мы ходим по улицам Вильгельма Пика, Улофа Пальме, Сальвадора Альенде, Иосипа Броз Тито, Хулиана Гримау, Луиджи Лонго, Ле Зуана, Саморы Машела, Хо Ши Мина, Миклухо-Маклая… Уп-с-с… Извините, это наш русский путешественник. Кроме того, у нас есть площади Кабрала Амилкара – борца за свободу островов Зелёного мыса, Виктора Кадовилья – рабочего вожака Аргентины, Мартина Лютера Кинга, Джавахарлала Неру, улица Саляма Адиля… Есть даже улица первого президента Чехословацкой академии наук Зденека Неедлы. А вот улицы, названной в честь первого президента Российской Академии наук княгини Екатерины Дашковой, нет и в помине. Чудеса!

Зато увековечены в городских названиях имена мастеров культуры тех советских республик, которые двадцать лет назад – кто с радостью, кто с неохотой – покинули «нерушимый союз народов». Можно прогуляться по бульвару латышского классика Яна Райниса и улице литовской поэтессы Соломеи Нерис. Кстати, улицы Марины Цветаевой в Москве нет. Зато есть проезд Кристионаса Донелайтиса, литовского баснописца XVIII века. Вы думаете, мне жалко? Не жалко, пусть будет. Жалко, что в Москве нет даже переулочка нашего великого баснописца Ивана Андреевича Крылова. Общеизвестная русская всеотзывчивость не должна всё-таки достигать градуса идиотического самозабвения. И сегодня, когда прибалтийские лимитрофы выскребли со своих улиц любые названия, напоминающие об изначальном русском, как, впрочем, и немецком присутствии в этих краях, возникает чувство недоумения. Мы, конечно, большой и добрый народ, но сколько можно отвечать на мелкодержавное хамство прежних братских республик широтой и великодушием? Может, последовать совету Достоевского и слегка сузиться?

Нет, я не призываю немедленно переименовать улицу Вилиса Лациса в улицу Виля Липатова. Пусть остаётся: всё-таки человек был не только писателем, но и председателем Совета национальностей Верховного Совета СССР. И когда? В тяжкие времена «оккупации» Прибалтики Советским Союзом, который, кстати, подарил в 45-м гордым жмудинам их столицу – Вильно, этим городом прежде владели не менее гордые поляки. Не переименовал Сталин Тарту в Юрьев, а ведь мог, восстанавливая историческую справедливость. Да и Нарву, взятую еще Петром Великим, оставил гордым эстонским парням. Вот такая советская оккупация, за которую литовская власть хочет с нас получить денежную компенсацию. А любо-

пытно узнать: сколько стоит Вильнюс? Повторю: я не призываю убирать следы былой всеотзывчивости, я просто задаю вопрос: уместно ли такое интернациональное простодушие, когда множество выдающихся российских деятелей культуры никак не запечатлены на карте города. Где улицы Загоскина, Кустодиева, Шаляпина, Рахманинова, Петрова-Водкина, Салтыкова-Щедрина, Блока, архитекторов Мельникова, Весниных (была – теперь Денежный переулок), Прокофьева, Улановой, Чайковского (была – теперь Новинский бульвар), Мейерхольда, Тукая? Почему у нас есть улица Багрицкого и нет улицы Заболоцкого? Есть улица Дунаевского и нет улицы Шостаковича? Есть улица Симонова и нет улицы Леонова? Есть улица полузабытого писателя Панфёрова и нет улицы великого Андрея Платонова? Почему улица имени не самого выдающегося литератора Серафимовича находится в районе Якиманки, а улицу Шолохова, крупнейшего русского писателя XX века, сослали за Окружную, в Ново-Переделкино? Где логика? Где система? Где здравый смысл? Даже про Высоцкого забыли, а жил, кстати, он на Малой Грузинской, напротив кафедрального костёла. Может, достаточно одной Большой Грузинской?

В предисловии к добротной книге «Москва. Именные улицы города» (М., 2010) читаем: «В Москве существует удивительное переплетение имён, которые захватывают исследователя, приоткрывают неизведанные факты. Некоторые имена забыты, и их значение современному гражданину покажется преувеличенным. Однако всё это – наше достояние…» В самом деле, сегодня трудно понять, почему есть улица Асеева и нет улицы Пастернака, есть улица Демьяна Бедного и нет улицы Мандельштама, имеется улица полузабытого Корнейчука и не отыщешь улицу Булгакова. Существует улица странного, конспирологического дипломата-финансиста Ганецкого (Фюрстенберга), работавшего позже начальником Государственного объединения музыки, эстрады и цирка и расстрелянного в 37-м, надо полагать, не за погрешности в цирковом репертуаре. При этом никак не увековечен выдающийся советский государственный деятель Вознесенский, планировавший перестройку нашей экономики во время войны и сгинувший по «Ленинградскому делу». Зато у нас есть целых шесть Советских улиц, разбросанных в разных концах города!

Нет-нет, я вовсе не за то, чтобы снова всё переименовать. Хватит – напереименовывались. Но, с другой стороны, отсутствие многих знаковых, исторически необходимых имён на стогнах столицы – это какое-то клиническое беспамятство. Представьте себе семейный фотоальбом, где есть снимки тёти из Тотьмы и дяди из Ростова, но нет отца с матерью. Нонсенс! Это я снова про Ивана Калиту. Что же делать? Как исправить ситуацию, никого не ущемив? Очень просто. У нас в Москве множество названий, которые выполняют, уж простите, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе. Как понимать, например, Газгольдерную улицу, Факультетский переулок, Магистральный тупик и Федеративный пруд? Что такое Трудовая аллея? Куда прикажете девать три Новоостанкинских улицы, три Тишинских, четыре Стрелецких, пять Котельнических и шесть Новоподмосковных переулков? Ладно, так и быть, три Новомихалковских проезда можно зарезервировать за известным семейством, но к чему городу три Хорошевских, три Павелецких, четыре Волоколамских, шесть Рощинских проездов, россыпь Внуковских и Владимирских улиц, а также четыре Самотёчных переулка? И если вернуться к цареубийству: зачем нам пять Войковских проездов? У нас целое гнездо Соколиных Гор и Соколиных улиц! Зачем нам несколько Полевых улиц и переулков в разных концах города? Я уже не говорю о сладких парочках, вроде 1-го и 2-го Волконского переулков, 1-й и 2-й Вольских улицах, 1-м и 2-м Вражских переулках. А 1-я и 2-я Рейсовые улицы! Вот ведь – так и чуешь дыхание седой русской истории: Ре-е-ейсовая! Да что там Рейсовая! У нас пять Кабельных улиц и два проезда! Но и это ещё не всё – наша топонимическая сокровищница неисчерпаема: три Сетуньских, четыре Красносельских, шесть Железногорских, семь улиц Лазенки, шестнадцать Парковых… Назвали бы хоть одну из них в честь академика Лихачёва, исследователя дворянской парковой культуры Рос-

сии. Нет, мы будем упорно ходить по шестнадцати Парковым улицам и одиннадцати Радиальным, но принципами не поступимся! Кстати, в Москве есть четыре Лихачёвских переулка, не имеющих отношения к академику-гуманисту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.